

АРХИВАРИУС

Евгений Балакин

12+

Евгений Балакин

Архивариус

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Балакин Е. Г.

Архивариус / Е. Г. Балакин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Новый роман писателя, драматурга, режиссёра Евгения Балакина воссоздаёт атмосферу Древней, Новой и Новейшей истории России. Нити сюжета сплетаются в причудливый узор, в котором вместе с вымышленными персонажами действуют реальные исторические лица, в общую логику событий включаются вещи, сновидения, разного рода «хранители России», век за веком стоящие на страже её целостности, мира и благополучия. Неожиданные повороты сюжета, богатство художественного языка, тонкость и блеск поэтической фантазии автора, сдобренные изрядной долей сдержанного трагизма и искромётного юмора превратят чтение романа в увлекательное приключение. После встречи с героями произведений ваш мир уже никогда не будет прежним. Они пробуждают в душе восприимчивость к красоте, любви и чувство личной ответственности за вверенный нам мир.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Старый Дом	7
Глава 2. Обитатели Старого Дома	9
Глава 3. Княжий слуга	13
Глава 4. Ночной визит	18
Глава 5. Татьяна Муромская	23
Глава 6. Святополк Антонович Закавыка	29
Глава 7. «Редкие вещи»	35
Глава 8. Нечеловеческие страсти	38
Глава 9. Тайник	41
Глава 10. Лесные люди	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

*Посвящается моим дочерям –
Наталье, Татьяне, Екатерине*

Пролог

Существует мнение, будто все люди делятся на взрослых и детей. Это неправильное мнение. Никто ни на кого не делится, тем более что делить, собственно, и нечего. Просто в определённый момент у мальчиков вырастают усы, а девочки приобретают некоторую дополнительную и встают на каблучки. А по сути все эти Викторы Николаевичи, Светланы Владимировны и Сергей Ивановичи как были, так и остаются прежними Витями, Светами и Серёжами. Они, также как и в детстве, не прочь побаловаться, боятся темноты и верят в чудо. Для них эта книга.

Некоторыми действующими лицами моих историй будут персонажи, которые не имеют лиц в человеческом понимании. Это вещи. Вещи, которые окружают нас со всех сторон, вещи, к которым мы привыкли и без которых не мыслим своей жизни.

Попробуйте-ка представить себя или кого-нибудь другого, например, без часов! Вы будете либо опаздывать, либо приходить раньше положенного. Или вот ещё пример. Разом пропали носки, вся обувь и холодильники! Так что, как ни крути, а это ещё большой вопрос: кто главнее? Кто больше хозяин: мы, люди, или вещи, которые, вроде бы, нам служат?

Но во всей этой истории с вещами есть один замечательный момент. Любой предмет, даже если он принадлежал нам совсем недолго, вбирает в себя всё наше плохое и всё наше хорошее, тем самым приобретая собственное лицо. Другими словами, вещи становятся нашими копиями, они становятся похожими на нас.

Глава 1. Старый Дом

Это был очень старый Дом. За свои почтенные двести пятьдесят лет он много всего повидал. Но, несмотря на возраст, Дом был ещё крепок. Конечно, высота его значительно уступала многим более молодым зданиям вокруг него, но этот старик знал себе цену и гордо нёс все свои три этажа. А когда очередное многоэтажное строение вырастало рядом, и с оттенком высокомерного пренебрежения начинало поглядывать на старый Дом, тот лишь невозмутимо поигрывал солнечными зайчиками в стёклах своих окон.

От его приземистого фасада, от четырёх могучих колонн, широкой лестницы и двух каменных Львов шла спокойная, уверенная сила, и все вокруг, чувствуя это, непроизвольно проникались к Дому особым почтением.

Летом он, как и все старики, с удовольствием подставлял свои украшенные замысловатой лепниной стены тёплому солнцу, и ему при этом было так хорошо, что некоторые прохожие, с удивлением задержав на нём взгляд, рассказывали потом своим знакомым, что видели улыбающийся Дом.

Когда-то он принадлежал очень родовитой фамилии, и был одним из лучших особняков в городе, но те времена прошли, и осталась только память. А ещё осталась пыль на старинной мебели и сквозняки в пустых коридорах.

Но вот, однажды в один из тёплых летних дней, над небольшой дверью с торца нашего Дома появилась очень скромная вывеска: «Редкие вещи». А ещё через некоторое время к Дому подъехал маленький грузовичок, и из него вышел высокий молодой человек.

Во внешности его не было ничего примечательного, разве что очки. Хотя кого сейчас удивишь очками? Их носят многие. Но в этих очках была некоторая странность, а именно: всё, что отражалось в их стёклах, имело перевернутый вид. И это обстоятельство неприятно действовало на многих. Кому понравится видеть себя вверх ногами?

Молодого человека звали Евгений. Он внимательно осмотрел новую вывеску и довольно улыбнулся. Затем Евгений подошёл к самому дому и похлопал его по тёплой стене рукой.

– Как поживаешь, старина?

«Старина» покосился на него ближним окном и шумно вздохнул. А может и не вздохнул. Просто из маленького чердачного окна с шумом вылетело несколько голубей.

К Евгению у нашего Дома было особое отношение, и вот почему. В неподвластные памяти давние времена Дом этот принадлежал его предкам, хотя сам молодой человек об этом не знал. Но так как ничего случайного в жизни не происходит, можно предположить, что в этой их встрече был какой-то особый смысл, понятный немногим.

Постояв ещё некоторое время, Евгений открыл входную дверь старинным ключом и вошёл.

Помещение представляло собой две большие смежные комнаты, соединённые арочным проходом. Комнаты были пусты, и гулкое эхо шагов свободно разлеталось, отражаясь от пола и потолка, но застревало на стенах, потому что стены были задрапированы плотными набивными тканями тёплых тонов. Это было довольно необычно, так как в наше время стены либо красят, либо оклеивают обоями.

Недавно покрытый мастикой Паркетный Пол очень старался сохранять благородное безмолвие, но у него это не получалось. Он потрескивал, поскрипывал, иногда даже что-то восклицал, словом, производил массу всяких звуков. Ведь это был очень старый Паркетный Пол, и, как все старички, он часто говорил сам с собой. А может это была привычка, которую он приобрёл много лет назад, когда в этих комнатах жил доктор философии, часами рассуждавший вслух о природе вещей.

Довершали картину внутреннего убранства комнат две Люстры, изящные и сравнительно молодые. Люстрам было около ста лет, хотя они всем в один голос говорили, что им ещё нет и восьмидесяти.

Паркетный Пол, глядя, как они болтают между собой и громко перезваниваются хрустальными подвесками, неодобрительно кряхтел. Он считал, что обе Люстры непозволительно легкомысленны. Ведь они, Люстры, поднятые на такую высоту, должны были подавать всем пример серьёзности и уравновешенности, а не наоборот.

В связи с этим Паркетный Пол примерно раз в месяц раздражался длинным сердитым монологом, обращаясь преимущественно к стенам.

Стены многозначительно молчали, и было непонятно, осуждают они поведение Люстр или это им совершенно безразлично. Но Паркетный Пол, нимало не заботясь об этом, принимал молчание стен за согласие, и, скрипнув напоследок что-то раздражительное, надолго замолкал.

А Люстры, переждав бурю, перемигивались друг с другом, и, как ни в чём не бывало, тихо и мелодично обращались к Форточке, чтобы та впустила в комнаты немного свежего ветра.

Форточка, если она не была закрыта на крючок, тут же приоткрывалась, и хрустальные подвески начинали тихонько раскачиваться под потолком, задевая друг друга и сливаясь своими чистыми голосами в гармоничные созвучия.

Для наших Люстр это было самое большое удовольствие. Задремавший было Паркетный Пол тут же просыпался, и комнаты наполнялись недовольным скрипом.

Надо сказать, что Форточка, несмотря на свой почтенный возраст, обладала характером добрым и отзывчивым. К тому же, она была чрезвычайно любопытна. Она открывалась наружу, и поэтому всегда была в курсе всех уличных событий. Правда, иногда она, увлечшись, открывалась уж слишком широко, и в такие моменты очень рисковала, потому что мог налететь ветер, захлопнуть её и разбить стекло, что не раз и происходило. Но я несколько отвлекся, и совсем забыл про нашего героя.

Обойдя комнаты и прикрыв распахнувшуюся форточку, Евгений теперь стоял возле встроенной в стену большой, убранной затейливыми изразцами Голландской Печи, и задумчиво разглядывал её. А думал он о том, что в последний раз эту печь растапливали очень давно, и было бы неплохо протопить её, чтобы выяснить, не забит ли дымоход.

– Да! – вслух сказал молодой человек. – Это хорошая мысль. И у меня, как раз есть знакомый с очень редкой профессией, – он печник. Я попрошу его всё здесь проверить.

Сказав это, Евгений с удовлетворением провёл рукой по глянцевому печному боку, повернулся было уходить, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился. Он с удивлением посмотрел на свою ладонь, затем вновь подошёл к печи и приложил руку к её поверхности.

– Странно... Холодная. Но ведь я только что чувствовал её тепло.

Уже через несколько минут Евгений выезжал на своём грузовичке из переулка на оживлённую улицу, а на его лице всё ещё оставалось озадаченное выражение.

Глава 2. Обитатели Старого Дома

– Зачем вы это сделали?

От возмущения Паркетный Пол даже покрылся мелкой рябью, и в какой-то момент показалось, что все его дощечки сейчас встанут дыбом.

– Зачем вы это сделали? – повторил он угрожающе.

Печная Заслонка робко приоткрылась, и было слышно, как Печка судорожно вздохнула, словно была готова вот-вот расплакаться.

– Я не хотела... – прошептала она. – Я сама не поняла, как это у меня получилось. Но когда этот молодой человек выразил желание позаботиться о моём дымоходе... И потом, он стоял так близко, что меня непроизвольно бросило в жар!

– Всё ясно, – с уничтожающей интонацией проскрипел Паркетный Пол. – В этом вы неисправимы! Стоит только какому-то смазливому юнцу подойти к вам на расстояние вытянутой руки, как вас тут же начинает бросать то в жар, то в холод. Стыдитесь! Ведь вам уже двести лет!

Голландская Печь, всхлипнув, собралась было уже что-то ответить в своё оправдание, но, передумав, молча закрыла Заслонку. Где-то в самой её глубине раздавались звуки, напоминающие рыдание, а всё потому, что она была натурой впечатлительной, эмоциональной и очень восприимчивой. А иначе и быть не могло. Ведь в силу своей природы она могла гореть, только получая чью-то энергию, наполняясь ею.

Но это совсем не говорит о том, что Голландская Печь была начисто лишена собственного понимания происходящего вокруг неё. Наоборот, у неё были свои вкусы и пристрастия, и примером тому – несколько листов из сборника стихов Афанасия Фета, которые в скомканном виде случайно попали в неё. По ночам, когда все успокаивались, она тихонько перечитывала их вслух.

Сама не зная почему, Голландская Печь очень дорожила этими тремя листками, и они спокойно пребывали в ней. Печь давно не топили, а о том, что это может произойти, она старалась не думать. Да, Голландская Печь, конечно, знала свою слабость к приятным молодым людям, но виновата ли она в этом? Просто выкладывавший её каменщик всякий раз впадал в лирическое настроение, стоило только ему увидеть какую-нибудь хорошенькую молоденькую девицу.

Произошедшая сцена возмутила обитателей комнат. Обе Люстры в один голос заявили, что Паркетный Пол в силу своего низкого положения не в состоянии понять высоких чувств, и тут же, в знак протеста, принялись с такой силой раскачиваться, что Хрустальные Подвески на них в страхе испуганно вскрикивали.

Форточка, закрытая на крючок, не могла в полной мере проявить свои оскорблённые чувства, и от этого голос её несколько вибрировал. Она сказала, что это верх неприличия – напоминать кому бы то ни было о возрасте, особенно если это касается натур чувствительных, и что если она и имела ещё какие-то иллюзии относительно «некоторых», то теперь все они разбиты. При этом Форточка так раскипятилась, что её стекло чуть не треснуло.

Паркетный Пол на все эти негодования в свой адрес предпочитал не обращать внимания, так как чужое мнение его почти никогда не интересовало. А ещё у него была привычка в таких вот случаях притворяться глухим. Но тут произошло такое, чего Паркетный Пол никак не ожидал: молчавшие в течение целого года Стены вдруг заговорили! Да ладно бы просто заговорили, но они в самой решительной и категоричной форме встали на защиту Голландской Печи, и потребовали немедленных извинений.

Наш упрямец попытался сделать вид, что ничего не слышит, но могучим Стенам потребовалось лишь малое усилие, чтобы Пол затрещал во всех направлениях, и слух его был тут же восстановлен в полном объёме.

– Но это неправильно! Я не считаю себя виноватым! Я просто дал ей понять, что такое поведение неразумно. О-о-о, бедные мои дубовые плашки! Я приношу свои извинения! Был неучтив!

Печная Заслонка тихо приоткрылась, и негромкий голос произнёс:

– Я принимаю ваши извинения. Поверьте, мне самой очень жаль, что всё так произошло.

Пробурчав что-то в ответ, и с опаской глянув при этом на Стены, Паркетный Пол обиженно притих.

И такие невероятные в нашем понимании сцены разыгрываются всегда и везде! Порой мы сами становимся их случайными свидетелями, но, посчитав, что это не более чем игра воображения, тут же об этом забываем. Хотя есть люди, их не так много, которые догадываются о происходящей вокруг нас невидимой жизни. Их довольно легко узнать: они никогда не выбрасывают старые вещи.

А между тем на улице уже был поздний вечер. Лёгкие одежды сумерек постепенно становились всё тяжелее и тяжелее, пока не опустились на землю плотным тёмным покрывалом.

Я забыл вам сказать, что наш Дом был со всех сторон окружён высокой кованой решёткой. Когда-то были и ворота, но теперь от них остались только две могучие кирпичные колонны, на которых они раньше держались.

Возле внутренней части решётки обильно разрослась сирень, и её ветки выглядывали сквозь металлические прутья.

Прямо над широкой двухстворчатой дверью парадного входа горела единственная лампочка. Она была в стеклянном плафоне под железным козырьком.

Большая Бронзовая Дверная Ручка, когда-то до блеска начищенная и сияющая, теперь тускло выглядывала из полумрака. Она не любила темноты и боялась её. Это началось после одной ночи, когда кто-то попытался выломать её самым бесцеремонным образом, но Бронзовая Ручка была дамой массивной. К тому же, от страха она так крепко вцепилась в спасительную дверь, что справиться с ней не было никакой возможности. И её оставили в покое.

Правда, это событие не прошло для Бронзовой Ручки бесследно. Она стала панически бояться приближения ночи, и, франтиха раньше, теперь всячески старалась быть незаметной, и даже подумывала перекраситься в какой-нибудь серый цвет.

Рядом с дверью по бокам широкой лестницы в спокойной позе замерли Каменные Львы. Они были сделаны из белого мрамора, имели широкие лапы и крупные гривастые головы. Именно их должна была благодарить за спасение Бронзовая Ручка. Ночной воришка до сих пор не может объяснить себе, как могли тени от лежащих Львов вдруг подняться и с угрожающим видом двинуться прямо на него. Перепуганная Бронзовая Ручка тогда ничего не заметила, а Каменные Львы не посчитали нужным ей об этом рассказать.

Луна медленно плыла по ночному небу. Полнолуние уже прошло, и она была слегка на ущербе. Свет в окнах домов постепенно гас, и город замирал, безропотно отдаваясь во власть тишины и покоя. Одни только уличные фонари протягивали друг другу невидимые руки, соединяясь в электрическом хороводе, но и они, поддаваясь общему настрою, в середине ночи потухли.

Именно в такое, в самое глухое время суток, со всех сторон начинают просыпаться таинственные звуки. Их можно принять за что угодно: за шум раскатившихся яблок, за закипающую в чайнике воду, за движение воздуха в вентиляционной трубе, за шорохи в углу под шкафом. Но если очень внимательно прислушаться, то с немалым изумлением можно обнаружить, как неожиданно ясно различаются слова, словосочетания, целые предложения, и почувствовать, что весь воздух буквально пронизан оживлёнными разговорами.

Разговаривают дома, деревья, стоящие во дворах машины, мусорные баки, рекламные щиты и даже ржавые гвозди, торчащие из невесть откуда взявшейся старой подковы, лежащей под садовой скамейкой.

Для этих тихих голосов ночь была самым лучшим временем, так как днём в городе всегда очень шумно. И даже если кому-то и удавалось что-то такое услышать, простое благоразумие заставляло об этом промолчать, так как редко найдутся желающие поверить в говорящий мусорный бак.

Луна осторожно заглядывала в окна всех трёх этажей, расположенных по фасаду Дома. Мало кто об этом знает, но ничто так благотворно не сказывается на здоровье окон, как лунный свет. Тонкие серебристые нити, бережно проходя сквозь стекло, очищают его изнутри, делая прочнее и прозрачнее. Заодно лунный свет, заполняя собой трещинки и царапины, застывает в них, и стекло становится идеально гладким.

Обитатели двух комнат на первом этаже пребывали в состоянии некоторого возбуждения. Судя по всему, скоро должны были произойти какие-то перемены, но так как никто не мог с определённой уверенностью сказать, к чему эти перемены приведут, то все немного нервничали.

Паркетный Пол, всё ещё не пришедший в себя после унижительной для него сцены, старательно делал вид, будто он спит, хотя никто в это не верил.

Люстры, расшалившись, принялись уговаривать Выключатель, чтобы он повернулся и зажёл свет, но тот, старый и глухой, только улыбался им в ответ, приговаривая: «Что за вертихвостки! Что за вертихвостки!»

Голландская Печь, не в силах справиться с вдруг охватившим её непонятным томлением, извлекла из своего тайника Фета. Предварительно справившись у Стен, любят ли они стихи, и получив утвердительный ответ, тут же начала читать их вздрагивающим от волнения голосом.

Часовой механизм на здании городской мэрии развернул свои огромные шестерни в новое положение. Последовало три гулких удара колокола, и над городом невидимым облаком поплыло долгое эхо.

В это самое время вдоль кованой решётки неслышными шагами шёл человек. Он прошёл между кирпичными колоннами, остановился перед лестницей, посмотрев назад, поднялся вверх по ступеням. Теперь в тусклом свете электрической лампочки можно было разглядеть его более тщательно.

Это был человек среднего возраста и среднего роста. Внешность он имел самую обыкновенную. Может быть, только глаза! Глаза у него были редчайшего сиреневого цвета! Вам встречались глаза сиреневого цвета? Думаю, что нет.

В дополнение к вышеперечисленному следует упомянуть синий рабочий халат, какие обыкновенно носят кладовщики, и мягкие домашние тапочки с задниками. Вот всё, что касается внешнего вида человека, стоящего в три часа ночи у парадных дверей старого трёхэтажного Дома.

А теперь самое время представить его вам, уважаемый читатель. Это – Святополк Антонович Закавыка, штатный архивариус местного городского архива. Какая нужда привела его сюда в столь неподходящее для прогулок время – нам и предстоит выяснить.

– Улица Фрагонара, четыре, – произнёс он неожиданно низким голосом, разглядывая настенную табличку.

Спустившись по истёртым от времени ступеням вниз, Закавыка отступил на несколько шагов от дома, и зашарил глазами по окнам первого этажа. Все стёкла, как по команде, вдруг затуманились, утратив прозрачность. Заметив, как в первом от угла окне дрогнула Форточка, архивариус растянул губы в короткой усмешке. Потом, приподняв полы халата, он быстро двинулся к этому окну прямо через цветочный газон. Подойдя, он приподнялся на цыпочки. Загордив лицо от мешающего света ладонями, пристально уставился внутрь. Разглядеть что-либо в темноте за двойными стёклами не представлялось возможным, но, кто знает? А вдруг Святополк Антонович, к прочим талантам, мог ещё и видеть в темноте?

Постояв таким образом несколько минут, он протянул руку к Форточке и подёргал её на себя, пытаясь открыть, но та, дрожа стеклом от страха, намертво вцепилась в крючок и не поддавалась.

Хмыкнув, архивариус оставил Форточку, и, неслышно ступая, пошёл вдоль стены. Завернув за угол, он увидел вывеску «Редкие вещи».

– Любопытно...

Святополк Антонович осмотрел дверь, приник ухом к замочной скважине, и напряжённо прислушался, прикрыв для верности один глаз.

– Любопытно... – повторил он ещё раз, а затем, оглянувшись по сторонам, выудил из кармана халата большую связку ключей.

Одного взгляда на эту связку было достаточно, чтобы убедиться в том, что все ключи эти были старинные, самых диковинных форм и размеров. Архивариус долго возился, подбирая нужный ключ. Наконец, подобрав, сунул его в замочную скважину и повернул.

Он почувствовал, как напряглась внутренность замка, пытаясь противостоять этому вторжению, но силы были неравны. Дверь распахнулась, и Святополк Антонович Закавыка шагнул внутрь дома номер четыре по улице Фрагонара.

Глава 3. Княжий слуга

Солнце с трудом пробивалось отвесными лучами сквозь густую листву вековых деревьев и молодой поросли, и, попав на землю, тут же заставляло неброские лесные краски разгораться ярче и сочнее. Скромное узорочье папоротника, выхваченное золочёным светом, вдруг вспыхивало живым зеленоватым огнём. Он горделиво прямился, дрожа длинным стеблем. Но набегала туча, разливалась тень, и папоротник сникал, словно устыдившись собственной нескромности.

Ягода костяники, приподняв лист, изо всех сил тянулась к теплу и свету, и если случилось, что солнечный луч, сорвавшись с тонкой ветки осины, попадал прямо на неё, она тут же радостно подставляла ему свой розовый ещё бочок, жадно вбирая его могучую жизненную силу.

Лес замер в полуденной дрёме, словно повиснув в зыбком мареве. От земли поднимался густой тёплый воздух, насыщенный запахами перегноя, трав, ягод и коры деревьев. Природа наслаждалась покоем, глубоко дыша бесконечными лесами, напитывая землю, словно своей кровью, полноводными реками. Только кровь эта была не красная, а хрустально-прозрачная, чистая, как слеза.

Откуда-то прилетел красноголовый дятел, и, усевшись поудобнее на старую берёзу, выдал крепкую дробь не хуже заправского барабанщика. Эхо тут же подхватило сухие эти звуки, и широко понесло в разные стороны, дополняя и сталкивая их друг с другом.

В глубине чащи, соперничая с пернатым молотобойцем, заплотило застрекотала сорока, словно напоминая всем, что главный голос в лесном хоре принадлежит ей.

Рыжей молнией взлетевшая на сосну белка встревоженно зацокала, держа в лапках маленький грибок и озабоченно поглядывая в сторону. Через некоторое время, раздвинув кусты волчьей ягоды, на едва приметной тропке показался человек.

Несколько мгновений глаза его цепко и внимательно обшаривали всё вокруг, но вот он вышел совсем и остановился. Это был высокого роста крепкий молодец, в чёрной бороде которого и на висках уже посверкивало редкое серебро.

Лицом был он правилен, но жёсткий взгляд голубых глаз и поперечная складка между бровей делали его малоприятным, так что оно вполне могло сойти за разбойное. Да и откуда было взяться здесь, в глубине Муромских лесов, иному выражению?

Отшельники, паломники, монахи и прочие «божьи люди» сторонились этих мест, а ежели и встречались, то из оружия у них был разве что нож, а у этого на плече висел лук, за поясом торчали боевой топор да палица немалых размеров.

Ношенный кафтанишко, мягкие добротные сапоги, штаны с заплатой на правом колене да заломленная набекрень шапка составляли наряд этого человека. Звали его Капитоном, и был он собственностью рязанского князя Василия Кривого. Рано осиротев, взят был маленький Капитоша на воспитание княжим конюхом, мужиком суровым и недобрым, и с малолетства постигал все необходимости княжеской службы.

Сначала был он мальчиком на побегушках. Став постарше, прислуживал на кухне, а потом, благодаря природной смётке и уму, перебрался в хозяйские палаты. И нашёл в нём князь Василий слугу преданного и верного, пса цепного, ловкого и сильного, готового перегрызть горло любому, ежели будет на то княжеская воля. И кличку за это Капитон получил соответственную – Кусай.

Прихлопнув на лице сразу с полдюжины комаров, Капитон сорвал берёзовую ветку, и, обмахиваясь ею, продолжил свой путь. Однако тропка, и так едва заметная, шагов через сто внезапно ушла в землю, растворившись в траве, словно и не была вовсе.

Капитон остановился. Не зная, куда идти дальше, растерянно затоптался, глядя по сторонам. Затем он присел и стал самым тщательным образом изучать место, где обрывалась тропинка. Он даже встал на колени и сунулся лицом в траву, словно хотел что-то учуять, но всё было напрасно.

– Куда ж ты подевалась, окаянная? Так ведь не бывает, чтобы шёл человек, шёл по земле, да вдруг птицей и полетел... Чертовщина какая-то...

Выпрямившись, Капитон стал прикидывать, в каком направлении ему идти дальше. Но со всех сторон глухой стеной стояли деревья, под ними вольно расположился высокий кустарник, а под ногами густой травой мохнатила земля.

– Чтоб тебя!

И вдруг справа от него каркнул ворон. Да каркнул как-то странно, будто окликнул – громко и требовательно. От неожиданности парень вздрогнул, где-то внутри захолонуло, скользнул по спине страх.

Обернувшись, он не сразу увидел на сосне притаившуюся между веток большую чёрную птицу. Ворон выжидательно смотрел на него круглыми блестящими глазами.

– Ах ты, бесовское отродье! – выругался Капитон. – Чего пялишься? Я ведь на тебя такого и стрелы не пожалею. А ну, кыш отсюда!

Он махнул рукой, но птица даже не шевельнулась. В другой раз Капитон может и внимания бы на это не обратил, но сейчас за его испуг виновник должен был ответить.

Сноровисто заправив стрелу в лук, он натянул тетиву и прицелился. Рязанский князь Василий, подозрительный и повсюду видевший измену, особо следил за тем, чтобы все его ближние люди в совершенстве владели любым оружием.

Кусай не был исключением из этого правила. Ворон, не мигая, продолжал сидеть спокойно, не делая и попытки улететь.

– Ну, прощайся с жизнью.

Прошелестела стрела, рассекая воздух, и глубоко вонзилась в ствол дерева, аккурат на три вершка выше намеченной цели. Капитон аж не поверил своим глазам.

Чтобы он, на спор попадающий стрелой в любую цель с сорока сажень, не смог попасть в неподвижно сидящего вблизи себя ворона? Да такого просто не могло быть!

Уже через несколько мгновений вторая стрела вошла в ствол сосны ниже птицы на свою треть, а следующая так и вообще улетела невесть куда. И только после этого дошло до Капитона, что дело тут не в его меткости, а в чём-то другом, таинственном и пугающем, недоступном его пониманию.

– Чур! Чур, меня! Чур, нечистая сила!

Судорожно перекрестившись, он попятился назад, пока не уперся спиной в дерево.

Ворон словно только и ждал этих слов. Он расправил крылья, несколько раз взмахнул ими, каркнул напоследок что-то злое, взлетел и почти сразу пропал, растворился. А Капитон, постояв какое-то время в неподвижности, вдруг хлопнул себя по лбу и решительно зашагал именно в ту сторону, куда улетела неуязвимая птица.

А теперь вернёмся немного назад, в события, предшествовавшие лесному походу Кусая.

В тот день он с княжескими дружинниками вернулся в Рязань поздно, солнце уже село. Целый месяц объезжал он вотчину Василия Кривого, да ещё прихватил земли, которые населяли данники рязанского князя: мелкие лесные да болотные племена. Объезжал по делу: собирал оброк с крестьян и дань с подданных. Набрали они в тот раз немало. В княжий двор въехал обоз из двенадцати телег, доверху гружёных мукой, зерном, яйцами, маслом, битой птицей, вялеными да копчёными окороками, и вдобавок ко всему этому привезли несколько бочонков медных денег.

Жесток и безжалостен был ближний слуга Василия Кривого. Недоимки взимал до последнего зёрнышка, а ежели случалась недостача, заголяли нерадивому хозяину зад и били батогами на его же дворе, молча и деловито.

Капитон только и успел, что сапоги снять, как прибежала за ним дворовая девка: князь-батюшка к себе кличет. Чертыхнулся про себя мужик, да делать нечего – княжья воля! Натянул сапоги, влил в себя ковш холодной воды, свечу задул и пошёл в хозяйские палаты.

А во дворе жарко пылали два костра, рвали огненными языками густую тьму. Тут же дворня выставила длинный стол, горой навалили на него разную снедь, из холодных погребов покатили жбаны с хмельной брагой.

Дружинники, затеявшие перед ночной трапезой мытьё в бане, выскакивали голышом из парной и неслись к колодцу, где с визгом и гоготом ополаскивались ледяной водой.

– Эй, Кусай! – крикнул кто-то. – Давай к нам! Живо гузку твою веничком-то надерём!

Но тот, лишь махнув рукой, заторопился, шагая через две ступеньки высокого крыльца. Поднявшись наверх и пройдя запутанными коридорами, остановился перед резной дверью.

Вдруг вспомнилось, как мальчонкой-несмышлёнышем впервые переступил этот порог, как боялся всего, как гудела голова от княжеских тумачков и подзатыльников.

Сейчас, конечно, не то время, но до сих пор робел Кусай перед этой дверью: слишком уж крут и непредсказуем был рязанский князюшко Василий Кривой.

А тот в это время давил тяжёлыми шагами половицы своих покоев и нетерпеливо поглядывал на входную дверь. Огарок тёмного воску свечи, стоящей на массивном квадрате стола, всякий раз испуганно трепетал и гнулся пламенем, стоило грозной фигуре князя пройти мимо.

Это был уже много поживший человек, высокий и крупный. Длинные, до плеч, волосы его были аккуратно расчёсаны на две половины. Такой же ухоженной была и борода. И при этом ни одного седого волоса!

Все дивились такой особенности княжеской головы, и объясняли это не иначе, как огромной жизненной силой этого человека. А секрет был прост, да знала о нём одна только немая бабка Устинья, стиравшая княжеские порты.

Раз примерно в десять дней ночью доставала она из своего тайника холщовый мешок, брала из него горсть какого-то порошка, бросала его в чашку, а затем, добавив чуть воды, мешала до густой кашицы. После втирала её в хозяйские волосы и оставляла на время. А на следующий день опять красовался князь Василий чёрной как воронье крыло головой. Купил он это чудо случайно несколько лет тому назад у одного проезжего торговца пряностями за цену, при воспоминании от которой у него до сих пор дёргалась левая щека.

В дверь тихо стукнули.

– Войди!

Капитон осторожно переступил порог, поклонился земным поклоном, почтительно замер.

– Всё привезли?

Князь Василий остановился против него и упёрся взглядом. Один глаз у него сильно косил, за то и прозван он был в народе Кривым.

Но сам Василий, в силу особенностей характера, всегда и во всём предпочитавший пути не прямые, окольные, не всегда честные, ничего против такого прозвища не имел, даже гордился.

Капитон открыл было рот, чтобы ответить на вопрос, но не успел.

– Поди сюда.

Князь уже стоял возле распахнутого окна и показывал рукой куда-то в темноту.

– Видишь? – спросил он подошедшего слугу.

Тот сразу же изо всех сил стал пялить глаза в указанном направлении, но Рязань спала, ночь была безлунная и не было видно ни зги.

– А там? – княжий палец ткнулся правее. – А вон там? Видишь?

Капитон наморщил лоб, потянулся рукой к затылку и, была – не была, со значением сказал:

– Вижу, князь-батюшка!

– Вот и я вижу. Враги кругом...

Князь Василий, ссутулившись, отошёл от окна, тяжело опустился на широкую лавку. Потом вдруг быстро встал, и, повернувшись к иконе Николая Чудотворца, начал истово креститься, бормоча молитву. После чего скинул с себя кафтан, бросил его на лавку и остался в кумачовой рубахе, перевязанной на поясе тонким витым шнурком.

– Князь-батюшка, – заторопился Капитон, чтобы увести разговор в сторону от непонятного для него направления, – подати все собраны, со мной двенадцать подвод пришло, да ещё в дороге столько же. К завтраму все будут здесь...

Но князь нетерпеливо махнул на него рукой, заставил замолчать, потом подошёл к большому, обитому железными полосами, сундуку.

Подняв крышку, извлёк из его объёмистого чрева диковинной формы голубоватую бутылку гранёного стекла и два высоких стакана на тонких ножках. Огонёк свечи, отражаясь в замысловатых узорах отполированного стекла, заискрился, брызнул в разные стороны голубоватыми бликами. Кусай аж зажмурился от такой красоты!

– Что, нравится? – усмехнулся князь. – Это фряжское стекло, подарок ростовского князя. Садись. Да не туда! Со мной рядом садись. Разговор у меня к тебе есть.

Капитон бочком приблизился к столу, сел на край лавки.

– Пей! – Василий Кривой протянул ему наполненный доверху стакан.

Неуклюже держась за тонкое стекло, Капитон разом опрокинул в себя содержимое его, закрутил головой, пытаясь понять, что это он такое выпил.

– Что? Не по нраву вино заморское?

Князь усмехнулся, выпил сам, а потом вдруг сразу потемнел лицом, упёрся в слугу тяжёлым взглядом.

– Враги со всех сторон лезут, так и норовят оттяпать землицу мою. Как вороны кружат над Рязанью. Сговорились ростовский, суздальский да владимирский князья... Тверской Федька туда же с ними лезет... Только я им не дамся!

Тяжёлый княжеский кулак громыхнул по столу так, что диковинная бутылка, подпрыгнув, неминуемо свалилась бы со стола на пол, но Капитон вовремя руки подставил, подхватил.

– Князь-батюшка, да ты только вели! Мы ж за тебя все как один поляжем!

– Поляжем... – сумрачно повторил князь, налил себе ещё, выпил. – Мне мои люди живыми нужны! А с нашими врагами пусть нечистая сила борется.

Услышав такое, Кусай дёрнулся креститься. Хотел незаметно под столом крестное знамение на себя наложить, но остановил руку под взором Василия Кривого.

– За этим тебя и позвал сюда. Ты вот что. Собирайся и завтра же с утра скачи к Мурому. Там в лесах бабка живёт одна... Имени её никто не знает. Разыщешь её...

– Зачем? – дрогнул побелевшими губами Капитон.

– А затем, – князь приблизил своё лицо к нему так, что стал отчётливо виден каждый волос в его бороде, – затем, что знает она слова особые, и ежели слова эти вслух произнести, любая вещь служить тебе станет как живая. Чуешь?

Капитон, не мигая, смотрел ему в глаза, видел там себя и ещё чёрт знает что.

Внезапно огонь почти догоревшей свечи ярко вспыхнул. Он сумел дотянуться до слишком приблизившейся к нему княжеской бороды, цепко ухватился за неё и пошёл гулять, разгораясь и весело треща.

Василий Кривой взревел, откинулся назад и стал тяжело валиться через скамью на пол. Сразу едко запахло палёной шерстью. Кусай, одним прыжком перелетев стол, ринулся к князю и накрыл его голову собой.

Князь, придя в себя от первого испуга, вдруг с силой оттолкнул слугу и теперь стоял под лампадой в зыбком её свете.

Разметавшиеся в беспорядке волосы, полуобгоревшая, торчащая клочьями борода, дикие остановившиеся глаза придавали ему вид какого-то страшного существа, непонятно как оказавшегося здесь.

– Князь-батюшка... – заикаясь от страха, Капитон попятился от него. – Ты живой ли?

Но тот молчал, и лишь где-то в груди у него что-то тяжело клокотало. Кусай тоскливо повёл глазами, соображая, не кинуться ли ему бежать отсюда, как вдруг князь хрипло засмеялся:

– А ведь это бабка муромская бороду мне подпалила. Знать, правду про неё люди говорят. А борода, – он зажал остатки её в кулак, поморщился, – заново отрастёт. Была бы голова на плечах.

Князь посмотрел на готовое вот-вот потухнуть пламя свечи, усмехнулся:

– Слаб огонёк, плюнь на него – и нету! А ведь угадал время, подобрался ко мне незаметным и сразу страшен стал. Вот и я так же с врагами своими...

Внезапно под княжеским сапогом что-то хрустнуло. Глянув вниз, он увидел остатки разлившегося вина, напоминавшие сейчас кровавую лужу. Острыми краями поблёскивали в ней осколки разбитой бутылки.

Откинув носком сапога в сторону отколотое горлышко, князь нагнулся, поднял лавку, сел на неё.

Капитон всё это время стоял, замерев, боясь неверным движением обратить на себя княжий гнев. Но тот после случившегося вдруг обмяк, стал задумчив, сидел и неподвижно глядел перед собой.

– А может это знак мне был? Предостережение какое?

Он опять надолго замолчал, а когда заговорил, голос его был твёрд.

– Приказа своего не отменяю. Скачи к Мурому, найди старуху, узнай слова.

Погасла свеча, растворился дым, окутало всё мраком. Вышел Капитон на ощупь, прикрыл за собой дверь и, перекрестившись, заторопился прочь, стараясь не стучать каблуками своих сапог.

Глава 4. Ночной визит

Архивариус принялся. Пахло свежей краской, мастикой, электропроводкой, новыми ботинками Евгения, пахло даже бутербродами работавшего здесь неделю назад маляра, но Святополк Антонович ловил носом что-то совершенно иное, и, судя по разочарованному его виду, ловил напрасно.

Пробурчав что-то себе под нос, он сунул руку в карман халата и вытащил оттуда большой фонарь. Это был старый немецкий фонарь, ещё недавно бывший музейным экспонатом.

Фонарь этот, авантюрный по своему складу, давно уставший от вынужденного безделья, однажды, выбрав подходящий момент, скатился прямо под ноги зашедшему в музей Святополку Антоновичу. Архивариус, в силу своей профессии питающий слабость к старинным вещам, не удержался и прихватил его с собой.

– Ну-те-с, посмотрим, – с нетерпением в голосе сказал Закавыка и включил фонарь. Тот затрепетал от радости и выдал упругий луч света, который острым ножом вспорол темноту и упёрся в стену ярким пятном.

Стены были обтянуты плотной тканью с изображением растительного мира, и в пятне света оказались резеда и колокольчик. Прижавшись друг к другу, они переплелись между собой стебельками и листочками, и, казалось, слегка дрожали от испуга, выхваченные из темноты таким бесцеремонным образом. Все в комнате затаились.

Архивариус достал из кармана маленький молоточек, и, мягко ступая, подошёл к стене. Постояв некоторое время в раздумье, он опустился на колени и начал потихоньку простукивать стену, для верности прикладываясь к ней ухом.

– Кандидат исторических наук... Кандидат наук... Чтобы сохранить бумагу, её прячут в сухом надёжном месте, – бормотал Святополк Антонович в перерывах между ударами. – А если бумага, к тому же, представляет собой особый интерес, её стараются спрятать как можно дальше и незаметнее.

Обследовав таким образом все стены и ничего не обнаружив, архивариус распластался на полу. Он достал из халата большую лупу и принялся самым тщательным образом изучать каждую дощечку паркета.

– Она где-то здесь... Я чую... Фрагонара, четыре... Правая сторона...

Луна давно уже перекатилась на другую сторону дома, а Святополк Антонович, оттопырив тощий зад, всё продолжал ползать, елозя по паркету фонарным лучом. Наконец, осмотрев каждый сантиметр пола, он встал и с трудом разогнул спину.

– Ничего, ничего... Я терпеливый... Вот я вас всех!

А потом он выключил фонарь. Из окон стало видно, как небо на востоке слегка посветлело, словно неведомый художник добавил на небесный холст немного бирюзы. Ночь заканчивалась.

– Помещение из двух комнат, минус стены и пол. Остаются потолок, окна, люстры и...

Тут сиреневые глаза архивариуса остановились на Голландской Печи. Несколько мгновений он смотрел на неё, потом снова включил фонарь и стал пристально рассматривать её со всех сторон. Лицо у Святополка Антоновича при этом было весьма заинтересованным.

– Любопытно... – протянул он и, открыв заслонку, просунул руку глубоко внутрь печи.

Несколько минут архивариус производил ею какие-то движения в печном дымоходе, и по нему было видно, как он старается что-то ухватить там, но у него этого не получается.

– Там что-то есть... Определённо, что-то есть... Чёрт, немного не хватает! – натужным голосом произнёс он с досадой, и с трудом вытащил руку обратно. Она была чёрной от копоти.

Несмотря на неудачу, архивариус был доволен. Он что-то бормотал, притоптывал ногами от возбуждения и даже начал насвистывать марш из «Аиды».

Где-то в отдалении прогромыхал первый трамвай. Было слышно, как в соседнем дворе, разминаясь, несколько раз махнул метлой по асфальту дворник.

Святополк Антонович Закавыка замер, потом торопливо вытащил из кармана штанов большую луковичу часов на цепочке. Это был очень древний хронометр с желтоватым от давности циферблатом и треснутым стеклом. Увидев, сколько уже времени, архивариус охнул и поспешил к дверям.

Прежде чем выйти, он ещё раз обернулся и посмотрел на голландскую печь, погрозив ей при этом пальцем, после чего вышел. Всунув ключ в замочную скважину, он попытался его повернуть, но не тут-то было. Замок не закрывался.

Закавыке хватило двух секунд, чтобы понять, в чём тут дело. Дверной замок пожертвовал собой и сломался сам, добровольно, почувствовав в ночном госте какую-то угрозу и опасность. Святополк Антонович отчётливо слышал, как тот злорадно скрежетал сломанным запорным устройством.

Архивариус поморщился. Ему совсем не хотелось, чтобы его проникновение сюда было кем-то замечено, но из-за этого упрямого замка теперь могут возникнуть подозрения...

Беспомощно потоптавшись возле строптивца, он махнул рукой, развернулся и исчез за углом...

– Как вы думаете, уважаемая Форточка, зачем сюда приходил этот человек?

Младшая Люстра из дальней комнаты слегка качнулась, и её подвески издали слабый звук.

– Мне было так страшно, особенно когда он посмотрел на меня, – испуганным голосом прошептала она. – Я вдруг поняла, что от него можно ожидать чего угодно.

Глуховатый Выключатель больше всего был возмущён тем, что ночной посетитель не воспользовался им, а предпочёл обыкновенный фонарь.

– Я, как опытный Выключатель, – кипятился он, – не потерплю такого со мной обращения. Что? Я так возмущён, что моё напряжение может не выдержать!

И словно в подтверждение этих слов обе Люстры вдруг вспыхнули ярким светом, после чего послышались хлопки перегоревших ламп, а одна, сорвавшись, упала на пол и разлетелась множеством осколков.

– Эй, вы, там, полегче! – заволновался Паркетный Пол. – Не хватало ещё здесь пожара из-за вас!

– С добрыми намерениями не пойдут глухой ночью прокрадываться в незнакомое место... – взволнованная Форточка попыталась открыться, но, вспомнив, как ночной посетитель хотел воспользоваться ею, тут же оставила эту затею. – Как вы думаете, что он здесь искал?

– Я слышала, как он говорил про какую-то бумагу, – сказала ближняя Люстра.

Она была старше своей сестрицы на целый час и поэтому всегда говорила первой.

– Он искал тайник, это ясно. Именно поэтому он так тщательно простучал все стены и меня. Когда-то очень давно во мне было несколько тайников, но их быстро находили. Разве что... – тут Паркетный Пол сделал паузу. – Разве что Голландская Печь нам что-нибудь объяснит? Кажется, он что-то в ней нашёл...

– Верно! – тонким пронзительным голосом прокричал Оконный Шпингалет. – Что вы прячете в себе, Голландская Печь? Сознвайтесь, что у вас внутри!?

Воцарилось молчание, и только было слышно, как всё ещё возмущённо сопел Выключатель да беспокойно потрескивало Электричество, обнаружившее независимый нрав своего напряжения.

– Ничего запретного во мне нет.

Голос Голландской Печи по обыкновению прозвучал негромко и словно бы извиняясь.

– Всё, что попадает в меня, почти всегда сгорает и превращается в золу и пепел. Тем более, если речь идёт о бумаге...

О существовании в печи нескольких листов со стихами Фета знали только Стены, но они об этом молчали.

– Но вы можете сами убедиться в том, что я говорю... – и Печная Заслонка широко распахнулась.

– В ней ничего нет, – проскрипел Паркетный Пол. – Я помню, когда меня перестилали, то всю Печь забили старыми Паркетинами. Так этой даме потребовалось всего полчаса, чтобы от них остался один дым. Поэтому, вряд ли в ней что-то есть... Вряд ли...

Слова его прозвучали вполне убедительно. Стены молчали, и все, кто был в двух комнатах, согласились, что, конечно, невозможно чему-то сохраниться среди бушующего пламени. Хотя сказать, когда в последний раз топили Печь, никто бы не решился: так это было давно. А сама она, тихо прикрыв Заслонку, вздохнула с облегчением.

Ей трудно было кого-то обманывать, и если бы Оконный Шпингалет был понастойчивее в своей подозрительности, то скорее всего ей не удалось бы сохранить свою тайну.

– Он сюда ещё вернётся, – невольно вслух сказала Печь.

– Кто вернётся? – спросила первая Люстра.

– Зачем? – тут же насторожился Оконный Шпингалет.

– Я не знаю..., но мне, почему-то так кажется.

– Не бойся, милая. В дверь вставят новый Замок, и никто посторонний сюда зайти не сможет.

Сказав это, Форточка длинно зевнула. Солнце уже вовсю упиралось лучами в окна, и с комфортом расположилось большими жёлтыми пятнами на блестящем Паркетном Полу. Тот, разомлев от тепла, подобрел, и, пробормотав что-то невнятное, спустя минуту уже спал.

Младшая Люстра внезапно затрепетала всеми подвесками, резко качнулась и, крикнув: «Дверной Замок, вы бравый!» потеряла сознание. Ей так хотелось отблагодарить этого смельчака за то, что он пожертвовал собой ради всех и, будучи девицей эмоциональной, она тут же полюбила его.

Дверной Замок, слегка ошалевший от признаний такой красотки, крикнул, что он и не такое может ради неё. После чего, в подтверждение своих слов, тут же начал ловко разбираться по частям и вываливаться фрагментами из дверей на пол. Прошептав напоследок что-то лирическое, Дверной Замок обессилено затих.

Старшая Люстра, видя такой пример самоотверженности, немедля обратила свой взор на Оконный Шпингалет, к которому питала некоторую слабость. Её настойчивый взгляд словно бы спрашивал, способен ли тот вот так же, как и Дверной Замок, разрушиться на глазах у всех ради неё. Но Оконный Шпингалет быстро сделал вид, будто его что-то заинтересовало на потолке.

Новый день за окнами обещал быть солнечным и жарким. Цветы, предчувствуя это, жались возле дома в прохладную тень и, болтая о чём-то своём, тихо покачивали хорошенькими головками. Всем известен их легкомысленный характер, но Старый Дом любил, когда вокруг него толклись хороводом эти разноцветные создания.

Бронзовая Дверная Ручка, глядя, как блестят и сверкают на солнце окна домов, лужи на асфальте, оставшиеся после поливочной машины, вдруг почувствовала себя такой жалкой, беззащитной и никому не нужной, что чуть не расплакалась. А ведь было время, когда она, начищенная до зеркального блеска, гордая, пребывала в приятном состоянии важности и значительности собственной персоны. Ещё бы! Ведь у неё даже был свой слуга, который натирал её трижды в день.

Каменные Львы, молчаливые и могучие, встречали новый день спокойно и уверенно. Их созерцательным натурам была чужда легкомысленность происходящего вокруг, и они предпочитали ничего этого не замечать. Хотя, конечно, бывали случаи, как, например, с Бронзовой Ручкой, когда их что-то возмущало, и тогда Львы проявляли свой характер.

А ещё, несмотря на свой грозный вид, они любили детей, которые часто приходили сюда со своими мамочками. Дети забирались на львиные спины, дёргали за хвосты, бесстрашно засовывали свои ручонки в их зубастые пасти, но Львы терпеливо сносили все эти шалости. Они понимали, что для детей они были всего лишь большими игрушками, и те всё это делали не со зла.

Приходили ко Львам и другие детки, постарше, которые уже разучились играть и находили удовольствие лишь в проказах, в уродливых развлечениях. С такими Каменные Львы особо не церемонились. Они мгновенно преображались, выпуская огромные когти, раздвигали ужасные пасти, и все, кто был в этот момент рядом, в страхе разбегались, не понимая, как такое возможно.

Распугав бродящих по асфальту голубей, во двор дома въехал уже знакомый нам грузовичок. Внезапно, чихнув два раза, мотор его заглох, и он остановился, не доехав до нужного места несколько метров.

Из кабины выпрыгнул Евгений. Он улыбался. И это несмотря на то, что ему опять придётся не меньше часа копаться в моторе. Просто у него сегодня было хорошее настроение, и он не собирался его менять.

Подмигнув Дому и рассмеявшись неизвестно чему, Евгений обошёл грузовичок и открыл задний борт. В кузове стояли разобранные столы, стеллажи, стулья и несколько больших коробок.

– С приездом, уважаемые! – сказал он, и, взвалив на спину тяжёлую столешницу, понёс её к дверям под вывеской «Редкие вещи».

– Вы слышали, как он нас назвал? – вдруг раздался чей-то голос. – Мне ведь не показалось? Он сказал «уважаемые»! Мне нравится этот человек. К тому же он вполне нормального веса, и мне не будет с ним тяжело.

Это говорил Вертящийся Стул. Он был «БУ», то есть уже побывавший в употреблении, и поэтому считал себя среди всех этих новых вещей самым бывалым и познавшим жизнь.

Стол, стеллажи и другие стулья, видимо, в силу своего разобранного положения, не считали себя вправе пока иметь собственное мнение, и потому скромно промолчали. Зато из коробки пискнул чей-то возмущённый голос:

– Когда меня отсюда выпустят? Мне надоело сидеть взаперти! Я протестую!

Это был Дырокол, который, несмотря на малые размеры, отличался крайней независимостью характера и большим самомнением.

– Куда вы так рвётесь, молодой человек? – поинтересовался Вертящийся Стул, при этом слегка повернувшись, чтобы подставить свою спинку под солнечные лучи. – Наслаждайтесь покоем. Совсем скоро вас поставят на Стол и каждый, кому не лень, будет колотить вас кулаком по голове. Вы этого хотите?

Услышав это, Дырокол примолк, но потом, крикнув, что по крайней мере на него не сядут, как на некоторых, снова принялся требовать своего освобождения.

А Евгений в это время с удивлением разглядывал то место в дверях, где раньше был Замок. Сейчас там была дыра.

Прислонив Столешницу к стене, он подобрал валяющиеся у его ног Пружину, Шурупы, несколько Заклёпок и стал сосредоточенно разглядывать их, пытаясь понять, что всё это значит. Хмыкнув, молодой человек сунул части бывшего Замка в карман куртки и осторожно приоткрыл входную дверь.

В комнатах никого не было, только на полу пускали солнечных зайчиков осколки разбитой лампочки.

– Однако странные вещи здесь происходят...

Евгений подошёл к Голландской Печи, осторожно прикоснулся к ней, а потом вдруг улыбнулся:

– А может, в лавке старинных вещей и должно происходить что-то необыкновенное и таинственное? Ведь каждая вещь – это какая-то тайна!

Недавно пришедшая в себя после обморока Младшая Люстра, вдруг спохватившись, затараторила горячо и бессвязно, словно боялась, что её опередят:

– Ночью с фонарём... А там были Резеда и Колокольчик! И он ползал подо мной. Было ужас как страшно! А потом я крикнула: «Дверной Замок, вы бравый!» – и больше я ничего не помню...

– Прекратите истерику! – раздался свистящий шёпот Оконного Шпингалета. – Он вас всё равно не услышит. И причём тут Дверной Замок? Ему давно уже было пора на металлолом. Я и сам мог бы...

Но, увидев, как на него посмотрела Старшая Люстра, умолк.

– Что ж, придётся покупать новый Замок – сказал молодой человек и посмотрел при этом на Форточку.

Та, словно соглашаясь с его словами, тут же широко распахнулась. Её, бедняжку, до сих пор бросало в дрожь от пальцев ночного посетителя.

Когда через двадцать минут всё содержимое кузова было перенесено в Дом, Евгений, прикрыв входную дверь, отправился на поиски нового дверного замка. А в это время между старожилками и вновь прибывшими жильцами, которые заняли собой один из углов, происходило первое знакомство.

Вертящийся Стул, лежащий на полу в неудобной позе ножкой вверх, сразу заприметил и оценил красоты и благородство хрустальных Люстр. Полным чувства собственного достоинства голосом он сказал:

– Прошу прощения у прекрасных дам, но сам я никогда бы не позволил себе подобного положения в вашем присутствии. При первой же возможности я приму более приличествующую вашему обществу позу.

Старшую Люстру аж качнуло от такой изысканной вежливости. А всё потому, что над созданием нашего стула потрудился человек, который всегда перед тем, как сказать кому-нибудь неприятные слова, сначала долго извинялся. И даже если потом дело доходило до рукоприкладства с его стороны, всё равно у всех складывалось о нём мнение как об очень культурном человеке.

– Ничего, ничего... – пролепетала Старшая Люстра. Она вдруг почувствовала, что готова пожертвовать всеми своими лампочками ради такого благовоспитанного и учтливового Вертящегося Стула. – В моём присутствии вы можете совершенно не стесняться. Я нахожу ваше положение очень даже симпатичным.

Сказав это, Люстра вспыхнула на несколько мгновений, а когда погасла, то все увидели, как она была смущена...

– Это безобразие! – стонал Выключатель. – Если каждый начнёт загораться по собственному желанию, зачем тогда нужен я? Я отказываюсь следить за порядком!

– В таком случае я объявляю себя здесь главным и требую безусловного подчинения от всех! – прокрипел Паркетный Пол, а потом, на всякий случай, добавил. – Стены могут мне не подчиняться.

Этим он хотел произвести впечатление на вновь прибывших. Форточка, услышав такое заявление, захлопнулась с такой силой, что её стекло дало трещину. Оконный Шпингалет, выждав паузу и убедившись, что Паркетный Пол в своём стремлении стать главным, оказался без союзников, презрительно расхохотался.

– Почему обязательно кто-то должен кому-то подчиняться? – негромко спросила Голландская Печка. – Разве плохо просто быть всем вместе?

– Эй! Кто-нибудь! – надрывался в коробке Дырокол. – Выпустите меня отсюда немедленно!

Глава 5. Татьяна Муромская

Рано утром следующего дня, чуть свет, Капитон выехал с княжьего двора на своём сером жеребце, и погнал его во Владимирское княжество, в городок Муром.

Путь предстоял неблизкий. Дорога была незнакомой, всё больше по лесам тёмным, где и зверь бродил дикий и человек лихой, потому крепко вооружился Капитон железом острым и словом Божиим.

На пятый день к полудню добрался он до Мурома. Остановился перед деревянным мостком через реку. Оглядел земляной вал, опоясывающий город, заприметив среди деревьев золотой крест.

Разглядев в зарослях череды бьющий из-под земли ключ, набрал в горсть холодной воды и пил, пока не заломило в зубах.

Припекало солнце. Небо, свободное от облаков, тихо купалось в речке, по берегам которой в заводях, на камышинах, отливали перламутром крылья стрекоз. Наполнив водой в запас бутыл, Капитон выбрался наверх.

Было воскресенье, базарный день. По мосту в обе стороны шёл народ вперемежку с домашним скотом, ехали телеги. Затесавшись в толпу, Капитон хотел пробраться за городской вал незамеченным, но, хорошо вооружённый, с повадками бывалого воина, он всё же привлёк к себе внимание, и его окликнули.

Дорога от реки поднималась вверх и упиралась в приземистую, рубленную из дуба сторожевую башню, возле которой стояли пятеро вооружённых людей. Один из них, – огромного роста, в кольчуге и с шишаком на голове, – манил Капитона к себе коротким обнажённым мечом. Остальные четверо, глядя на подъезжающего к ним человека, подобрались, готовые в любое мгновение дать отпор.

«Суровые ребята, – подумал про себя Кусай. – С этими держи ухо востро, враз в яму на цепь посадят».

Подъехав к ним, он слез с коня и, сдёрнув шапку, широко улыбнулся.

– Кто таков? Куда едешь?

Пять пар глаз, жёстко уставившись, ощупывали его сверху до низу. Капитон знал, что Рязанский и Владимирский князья давно люто враждуют, и поэтому говорить правду не собирался.

– С Москвы еду, добрые люди. Жёнка у меня местная, а мать у неё здесь одна живёт. Вот проведать её приехал, да прикупить кой-чего на ярмарке. У нас-то с этим там скудно....

– С Москвы? – переспросил один из стражей. – А где это?

– Да есть у Суздальского князя сельцо с таким названием. Так, дыра дырой, одна улица в десять дворов... – сказав это, старшой сплюнул под ноги рязанцу.

Глаза его всё ещё оставались колючими, но меч в ножны он всё же убрал.

– На какой улице тёща твоя живёт? Как кличут?

К этим вопросам Капитон был готов. У одного из дружинников Василия Кривого жила сестра в этой самой Москве, а мать как раз в Муроме. Поэтому и имя этой бабы, и где живёт, он знал. А вот ежели бы стали его пытаться относительно этой самой Москвы, вот тут-то обман мог легко раскрыться, так как Капитон ни то что не был там ни разу, но и услышал название это впервые.

– Каширцева она, Катерина. А дом её первым справа от входа в церковь Всех Святых. Там ещё колодец есть прямо против её калитки.

Сказав это, замер Кусай изнутри, натянулся тетивой, только выражение лица держал прежнее, добродушное. Нечего ему было больше добавить ни о своей тёщеньке, ни о доме её, если бы ещё что спросили.

– А чего-то я тебя раньше здесь не видел? – нехорошим голосом спросил один из стражей, диковатого вида мужичок, заросший чёрной бородой до самых бровей. – Я ведь, мил-человек, в соседях с Каширцевыми буду...

Он говорил всё это, а сам на сапоги Капитоновы глаза свои пялил, видать приглянулись.

– Да я... – начал было рязанец, соображая, что бы такое придумать, как вдруг у переправы раздался истошный бабий визг.

Развернули стражники в ту сторону лица и видят: сцепились дышлами на середине моста две телеги. То ли случайно так вышло, то ли не захотел кто дорогу уступить, а только стояли они теперь – и ни взад, ни вперёд. А сами мужики вместо того, чтобы слезть, да руками дело поправить, хлещут лошадей почём зря. Те и рады бы разойтись по сторонам, да только ещё сильнее путаются в постромках.

От бессилия коняги ржут надрывно, наливают кровью глаза, норовят укусить друг друга побольнее. Развернуло телеги поперёк моста, перегородили движение. А народ с обеих сторон прибывает. Мальчишкам развлечение, свистят; мужики – кто сердится, кто смеётся, но все советы дают; бабы верещат.

Лошади от всего от этого совсем сбесились. Жеребец, который покрепче да посильнее оказался, оскалился, морда пеной пошла. Налёг широкой грудью, упёрся копытами в настил и пошёл вперёд тараном. А сопернику его ничего не оставалось, как сдать назад, а позади – только слабые поручни моста да река. Выломала телега поручни и повисла двумя колёсами над водой. Тут уж страже совсем не до Капитона стало.

– А ну, все за мной! – крикнул старшой, и уже на ходу, обернувшись: – Егор, возьми у него пошлину за въезд и пусть катится к своей родне!

Кусай быстро сунул руку в карман, ухватил горсть денег и ссыпал их, не считая, в мозолистую ладонь бородатого Егора. Много денег дал рязанец, гораздо больше положенного, словно откупался ими от опасности.

Почуял это бородатый, перевёл на него взгляд, смотрит пристально, словно хочет мысли причитать. А Капитон уже на коне сидит.

– Прощевай, мил-человек! Будешь рядом – заходи. Мы в Москве гостям всегда рады!

Сказал он это, хлестнул коня – и был таков, только пыль взвилась столбом.

Муром оказался городком ухоженным и уютным. Справа и слева от проезжей части вдоль заборов тянулись настилы в три доски, что делало дорогу для пешеходов безопасной от грязи.

Неширокие улицы, заросшие тополем, клёном и вязом прихотливо гнулись, открывая глазу местные особенности – то в виде резных ворот, украшенных диковинными зверями, то сделанным каким-то умельцем для ребятни деревянным конём в натуральную величину, а то просто свиньёй, завалившейся со всем своим выводком прямо посреди дороги.

Пока ехал, Капитон соображал, что ему делать дальше. Соваться в глухие муромские леса, не зная дорог, всё одно, что идти на верную смерть, но он крепко надеялся на то, что хоть кто-нибудь да скажет ему, где искать, в какую сторону ехать, чтобы найти эту ведунью.

По дворам ходить или прохожих расспрашивать – дело долгое, да и заинтересоваться могут: кто таков, уж не вражий ли лазутчик.

Впереди ударил колокол. Засмуревший было Капитон встрепенулся.

– На ярмарку надо ехать! Там народу много, под шумок у кого-нибудь да вызнаю.

Сказал он так вслух и послал коня вперёд – туда, где в небе густой тучей висели стаи ворон и слышны были рёв быков да конское ржание.

Выехав на торговую площадь, рязанец остановил коня, стал приглядываться. Заприметил недалеко от себя какого-то дедка, стоящего несколько особняком от всех и торговавшего мёдом. Спешившись, Кусай направился к нему. Подойдя, снял шапку, поклонился.

От туесов с мёдом, стоящих прямо на земле, дух шёл восхитительный. Тут же роились осы, отогнать которых от такого лакомства было совершенно невозможно.

– А что, дедушка, хороший у тебя медок?

– А кому как. Иному и навоз вкусным кажется.

Усмехнулся Капитон, глянул на старика повнимательней, а у того одна половина лица улыбается, а другая застыла мёртвой маской из-за глубокого рубленого шрама, протянувшегося от виска до скулы.

– Это кто ж тебя так пометил?

– Рязане разукрасили, сынок. На деревеньку мою налетели саранчой, и давай народ в кучу сгонять, как овец. Кто сопротивлялся – плетями по головам секли. Да, видать, ещё добрые люди попались, только двоих и убили. А остальных всех – и малых, и старых – с собой увели.

Окаменел старик лицом, как-то сторбился, а потом ноги у него вдруг задрожали, колени подогнулись, сел он на землю. По изрытому морщинами лицу покатила слеза, за ней – другая, и потекли они без счёта из родников души русской, от своих же и страдающей.

– И твоих увели?

– Увели. Бабу мою увели, двух сыновей, четырёх внуков...

Сказал это дед, и стал слёзы кулаком утирать, как дети малые делают.

Смотрел на него Капитон, смотрел, и вдруг исказился лицом, почувствовал, как что-то зашевелилось у него внутри. Заломила в груди какая-то странная и мучительная боль, словно дремавшая до сих пор. Вспомнил он случай этот. Рассказывали ему дружинники князя Василия об удачном набеге на муромские земли два года тому назад. С богатой добычей вернулись они тогда, покуражились над пленниками вволю.

– А у тебя, сынок, тоже, небось, беда какая? Ишь, всё на лице, как и у меня. Да я-то старый, мне всё равно помирать скоро, а тебе жить ещё. Только жизнь-то нас не шибко радует, плохого-то поболее будет. На-ка вот медку. Возьми, побалууй себя.

И суёт Капитону в руки туесок с мёдом, а у того вдруг слеза с глаз пошла, и остановить никак не может. Схватил туесок, всыпал старику денег в руку, коня под уздцы – и прочь пошёл не оборачиваясь.

Какое-то время Кусай пребывал в недоумении от самого себя, но вскоре, укрепившись в мысли, что причиною его такого поведения – усталость от дороги, принялся вновь приглядываться по сторонам.

Выбрал немолодую бабу, продающую лыко и увешанную связками лаптей. Она сидела на маленькой скамеечке рядом с телегой, на которой среди мешков сладко спал паренёк с рыжими вихрами.

На одном из мешков образовалась небольшая прореха, и из неё тоненькой струйкой сыпалось семя подсолнечника. Налетевшие со всех сторон воробьи устроили из-за него драку. Они горланили изо всех сил, выхватывая из-под носа друг у друга чёрные семена, хотя еды было вдоволь всем.

Проснувшийся от всего этого гама паренёк приоткрыл один глаз, лениво дрыгнул босой ногой, и через мгновение снова спал, убаюканный солнцем и ласковым ветерком.

– Что ж ты, хозяйка, за своим товаром плохо следишь? Эти покупатели тебе ни гроша не заплатят... – Капитон махнул рукой в сторону воробьёв.

– Это не моё, – спокойно сказала та, невозмутимо лузгая семечки. – А ты, красавчик, небось, лапти мои купить собрался? Бери, не пожалеешь. Хороший товар. В моих лаптях летом не жарко и зимой тепло. Пол-Мурома в них ходят.

– А что? – усмехнулся рязанец. – Вот как сношу свои сапоги, так у тебя три пары и куплю зараз. Только вот долго ждать тебе придётся.

Пощупав для виду один из лаптей, Кусай присел на корточках рядом с женщиной.

– Ты ведь местная?

Та молча кивнула головой и, поправив платок, выжидательно уставилась на него.

– Тут у вас, говорят, в лесах бабка непростая живёт. Чудеса всякие творит, вещи заговаривает... А? Знаешь такую?

– А тебе на что она?

– Да вот, хочу снадобье у неё одно взять. Как выпью его, так в тебя и влюблюсь. Пойдёшь за меня?

Баба, которая сначала слушала его, растопырив уши, раскрыла рот и засмеялась так, что перепуганные воробьи кинулись с телеги в рассыпную.

– Ой, рассмешил! Ой, сейчас помру! Женишок выискался! А-а-а!

Капитон по-прежнему сидел с ней рядом и терпеливо ждал, когда она успокоится. Но та успокаиваться не собиралась, а наоборот, окликнула с противоположного ряда какую-то торговку рыбой и стала в голос рассказывать о случившемся, тыча при этом в Капитона пальцем.

Сообразив, что ничего от неё не добьётся, рязанец зло сплюнул и, процедив сквозь зубы «Дура!», отошёл.

Конь его, учуяв стоящие неподалёку мешки с овсом, замедлил было шаг, вытянув в ту сторону шею и натянув повод, но покорившись сильной руке, послушно двинулся за хозяином.

Подойдя к оружейному ряду и сделав вид, что рассматривает плетёный из ивовых прутьев колчан, Кусай исподлобья зыркал по сторонам, выискивая, к кому бы обратиться на этот раз. И вдруг его окликнули.

Обернувшись, он увидел девушку. Та стояла недалеко от него и манила рукой. Глянув по сторонам и убедившись, что зовут точно его, не спеша подошёл. Подошёл и оторопел.

Встречал Капитон за свою жизнь красавиц, но такую видел впервые. Высокая, ладная, в холщовой под поясок рубахе до пят, расшитой по подолу цветным узором. На плечах платок тонкий с кистями. Необычной формы синяя шапочка, отделанная белым бисером, красовалась на её русых густых, убранных в косу, волосах. Кожа лица – матово-белая. Дивной формы алые губы, ровный чуть вздёрнутый нос, брови вразлёт и удивительной красоты голубые глаза, запорошенные длинными ресницами. До чего же она была хороша!

– Я знаю ту, кого ты ищешь. Ступай за мной.

И не дожидаясь его согласия, девушка отвернулась, подняла стоящую рядом корзину с крупными, присыпанными хвоей грибами, и пошла, оставляя на пыльной дороге следы босых ног.

Капитон стоял, смотрел ей вслед и блаженно улыбался, словно только что рядом с ним была не живая девушка, а некое видение, случайно возникшее у него перед глазами, и которое всё равно не удержишь, как ни старайся.

Спохватился он только тогда, когда её фигура исчезла из виду. Взлетев на коня, с силой хлестнул его плетью и понёсся за ней, не разбирая дороги, сопровождаемый недовольными криками и злым карканьем ворон.

Нагнал он её в тот самый момент, когда она уже взялась за калитку своего дома. Резко осадив коня, рязанец спрыгнул с него, накинул поводья на коновязь, подошёл к девушке. Та стояла и спокойно, слегка улыбаясь, наблюдала за ним.

С Капитоном происходило чёрт знает что. Лицо его горело, грудь беспорядочно вздымалась, голова гудела, словно по ней били молотом, как по наковальне. Он не отрываясь смотрел в её глаза, а там полыхало, искрило, затягивало в водоворот, томительный и сладкий.

– Как зовут тебя? – выговорил он, наконец, хриплым, непослушным, как не своим голосом.

– Татьяной зовут. Можно просто Таней.

– Та-а-ня... – медленно произнёс он, словно пробовал имя это на вкус, словно смаковал каждую букровку его. – Имя-то какое у тебя диковинное. Ни разу не слышал такого.

– Теперь услышал. Заходи.

Забрав у него туюсок с мёдом, она отворила калитку и медленно пошла по деревянному настилу к крыльцу. Капитон, помедлив, последовал за ней.

Прямо под окнами избы, затянутыми бычьим пузырём, густо росла вишня. Крупная тёмно-бордовая ягода тяжело свисала с веток, красиво оттеняя залитые солнцем зелёные листья. Пахло укропом, сеном и баней. Этот запах особенно манил: тело Капитона истомилось, хотелось смыть с него груз дальней дороги.

Чуть не наступив на выскочившую откуда-то из-под крыльца, пёструю курицу, Кусай шагнул на порог. В сенях снял сапоги, поморщился от вида своих портянок. Робко ступил на чистые домотканые половики.

Татьяна сидела в горнице за столом, положив руки перед собой, ждала его. Взглядом показала на лавку против себя: садись, мол.

– А я тебя ещё у моста заприметила. Сразу поняла, что ты чужак здесь.

– Как догадалась?

– А тут и догадываться нечего. У нас здесь лошадям хвосты не подрезают. Слышала, у рязанского князя дворовые так делают.

Сказала – и так хитро на него смотрит, тянет губы в улыбке, белые зубы показывает. Чертыхнулся Капитон про себя, но виду не подал, усмехнулся только.

– А та, которую ты на рынке искал – бабка моя родная. О ней здесь мало кто знает, а ты, вон, издалека приехал. Нужда какая?

– Нужда... – подтвердил Капитон.

– Экий ты неразговорчивый. Каждое слово из тебя тянуть приходится. Где ж мне столько силы набраться? Ты вон какой здоровый!

Татьяна засмеялась, быстро встала, ушла в другую комнату. Когда вернулась, в руках держала чистые мужские порты и рубаху.

– На вот, возьми брата моего одёжу. После бани переоденешься. Авось, хоть тогда подберешь.

После бани Капитон сидел за накрытым столом и пребывал в состоянии блаженства. Никогда в жизни не было ему так хорошо.

Выросший без собственного угла, никому не нужный, не знающий, что такое нежность, душевное тепло и ласка, он вдруг почувствовал всё это на себе, стал медленно оттаивать. И что интересно, происходящее с ним сейчас начало казаться ему не таким уж и удивительным, словно он давно уже знал об этом или догадывался. Будто какие-то тайные силы выжидали до поры до времени и вот теперь, соединив все дороги в одну, привели его сюда.

Он сидел, смотрел на Татьяну и улыбался. Полчугуна щей, перловая каша с варёной курицей, большая чашка овсяного киселя, мёд – над всем над этим рязанец славно потрудились, и теперь чувствовал приятную истому, от которой тяжелела голова и уже ни на что не оставалось сил.

Капитон смотрел на Татьяну, любовался ею и слушал, как она рассказывала то ли быль, то ли небылицу о том, как встретили у своего гнезда два голубка целую стаю чёрных воронов с железными клювами, как бились они, с многочисленными врагами, не жалея себя, и как одолели злую силу, сохранив своё потомство.

– Как же такое может быть? – не поверил Капитон. – Воронье сильнее голубей, злее их. Да ещё и целая стая!

Посерьезнела рассказчица, потемнела глазами. Смотрит на гостя своего пристально, упёрлась в него очами своими, кажется, ещё намного – и насквозь ими прожжёт.

– Так то ж притча была, Капитонушка.

Тот аж вздрогнул от неожиданности. Не называл он ей себя, а та ни разу не спросила об этом. От кого узнала? А Татьяна, видя недоумение его, лишь улыбается.

– Победили врагов они силой духа своего, бесстрашием безоглядным, сплочённостью великой, упорством и твёрдостью. Против такого никто не устоит.

– А ты мне всё это к чему говоришь?

– Скоро узнаешь, голубь ты мой. Ложись-ка спать, завтра рано тебе вставать придётся.

Подошла она к нему, провела рукой по непокорным волосам, чуть помедлив, коснулась губами своими его губ и ушла, задув свечу.

Во сне Капитон летал, как в детстве, бился лаптями с чёрным вороньём и горстями ел пережаренные семечки.

Проснулся он с третьими петухами. В избе ещё стоял полумрак. На лавке в ногах он разглядел свои вещи. Штаны и рубаха были аккуратно сложены. А когда взял их в руки, – понял: стиранные они, чистые.

– Вот ведь всем хороша девка: и красавица, и хозяйка славная. Достанется же такая кому-то... На всю жизнь осчастливит.

– А ты засылай сватов, может и соглашусь.

Обернулся Капитон. Видит: стоит Татьяна в дверях в длинной белой рубахе, простоволосая и такая, что... Словом, захолонуло у него где-то в груди и ушло тёплой волной вниз.

– Смеёшься?

– Сам догадайся. Да штаны-то надевай. Идём, покормлю тебя.

Когда все сборы были закончены и они вышли во двор, только что прошёл небольшой дождь. С вишни в траву тихо падали капли. Тучи стремительно уходили на запад, оставляя за собой только солнце и чистое небо.

Ступив босой ногой на мокрую траву, Татьяна слабо охнула, повела плечами, глянув на своего гостя, рассмеялась. А тот глаз с неё не сводил, всё любовался её лицом, ладной фигурой, маленькой ступнёй, выглядывающей из-под подола сарафана.

– Ну ладно, добрый молодец... – сказала она, и тут же перебила себя. – А добрый ли?

Капитон усмехнулся. Рука легла на рукоять боевого топора.

– Для тебя добрый, а для других... Всяко бывало.

Приласкав его взглядом, девушка подошла к калитке.

– Ты вот что. Как из города выедешь, после моста езжай направо и дальше – вдоль реки. Версты через четыре дорога свернёт в лес. Через какое-то время увидишь слева от дороги три берёзы. Они растут из одного корня, мимо не проедешь. От них в чащу тянется тропка. По ней выйдешь к скиту, там Божий человек живёт. Вот он тебе и расскажет, куда дальше идти. Коня у него оставь, не пройдёшь с ним. А бабушку мою Ульяной Яковлевной величают. Запомнил ли?

– Запомнил, – мотнул головой Капитон.

– Ну, раз запомнил, тогда езжай с Богом.

Стоит рязанец, мнётся, с ноги на ногу переступает, чего-то медлит. То на небо глянет, то на земле вдруг сосредоточится, словно держит его какая-то сила.

Заискрились глаза у девушки, дрогнули уголки губ, поползли вверх. Заметил это, Кусай хлестнул себя плетью по голенищу, взлетел на коня, приосанился.

– Вернись – сватов жди! – И был таков.

Глава 6. Святополк Антонович Закавыка

Архивариус Святополк Антонович Закавыка был человеком незаурядным, хотя многие могли бы возразить: мол, ничего незаурядного в нём нет, а есть просто человек со странностями. Мало ли таких вокруг? Возможно, они правы, не буду спорить, но, так или иначе, это определение лишь дополняет портрет нашего персонажа.

Пожалуй, самой большой странностью был сам факт его рождения. Ещё не успев родиться, Святополк Антонович уже был никому не нужен. Его не хотели ни мать, ни отец, семейная жизнь которых не сложилась. Несмотря на все попытки от него отделаться, ребёнок всё-таки появился на свет Божий, полузадохшийся от материнской пуповины, дважды обмотавшей его шею. Но и после такого проявления родительской «любви» Святополк Антонович умудрился выжить.

В отместку за это его мать написала отказ, и передала недогнувшей рукой своего первенца в объятия тех, кто отвечал за детей брошенных и отринутых.

Объятия эти были крепкими и неласковыми, но, успевший в них подрасти, маленький мальчик, не знавший ничего лучшего, воспринимал происходящее вокруг него спокойно и безропотно. И взрослые, отвечающие за его воспитание, могли быть им вполне довольны, если бы не некоторые неожиданности в его поведении.

Примерно раз в месяц маленький Святополк Антонович вдруг забирался на какое-нибудь возвышение и громко кричал: «Вот я вас всех!», грозя при этом кому-то пальчиком и топя ножкой. Глаза его в этот момент полыхали грозными зарницами, и всем, кто был с ним рядом, становилось тревожно и как-то не по себе.

Какого-либо вразумительного объяснения этому поступку никто дать не мог. Поэтому со временем было решено, что либо это признак профессии будущего судебного работника, либо всё это от Бога, и не от какого-нибудь, а от греческого, и что мальчика ждёт драматическая сцена.

С небольшим перевесом победила сцена, и, как следствие этого, а также благодаря премьере в местном театре оперы Бородина «Князь Игорь», Святополку Антоновичу дали имя Святополк, переписав с другого имени, на которое тот категорически отказывался отзываться.

В дальнейшем всё поведение мальчика воспринималось лишь как подтверждение его актёрской будущности.

А происходили, например, такие вещи: он мог ни с кем не разговаривать целыми днями, но зато вёл оживлённые беседы с ножкой стула, собственным носком и особенно – со старинным подсвечником, валяющимся в углу игровой комнаты.

Ещё по ночам его часто замечали сидящим на своей кровати с неподвижным взглядом. И вообще, ходили слухи, что мальчик никогда не спит. И действительно, всех, кто видел его лежащим в кровати, не оставляло ощущение, что Святополк Антонович наблюдает за ними сквозь полуприкрытые веки.

Кстати, маленький Закавыка, узнав, что у него, кроме имени есть ещё и отчество, потребовал, чтобы все звали его полным именем. В шесть лет! Как вам это понравится?

Сверстники у мальчика интереса не вызывали, в песочнице он играл только сам с собой, ухватив ведёрко с совочком и повернувшись ко всем спиной.

Сообразив в один прекрасный день, что россыпи крючочков и закорючек на книжных страницах, называющиеся буквами, имеют какой-то особый тайный смысл и значение, Святополк Антонович твёрдо вознамерился их понять, и в течение двух недель не давал проходу никому из взрослых, цепляясь за каждого и требуя назвать ту или иную букву.

Измучив всех, мальчик добился своего. И вот, дрожа от возбуждения, он самостоятельно смог прочитать надпись на большом плакате, висящем в столовой на стене рядом с раздачей.

Правда, от волнения, он начал читать не с той стороны и у него получилось: «!телмерденгарВ». Вторая попытка у него была более удачной и, почти выкрикнув «Враг не дремлет!», Святополк Антонович от перевозбуждения потерял сознание.

Следующий свой день мальчик полностью посвятил чтению всего, что попадалось ему на глаза. Он с жадностью накидывался на буквы, аккуратно, как кирпичики, складывая их в слоги, пока не происходило чудо и не возникало какое-нибудь знакомое слово, но теперь он это слово мог увидеть глазами, даже не слыша его. Это было ощущение настолько удивительное и непередаваемое, что оставило далеко позади всё, что представляло для него какой-либо интерес раньше.

А потом в маленькой головке Святополка Антоновича вдруг возникла неожиданная мысль. Он вдруг ясно понял, что теперь ему совсем необязательно с кем-то о чём-то говорить. Всё, что ему будет надо, он узнает и так, достаточно лишь найти нужную книгу. А так как он ещё не совсем представлял в точности, что ему надо, на всякий случай Святополк Антонович начал читать всё подряд.

Дети постарше, которые уже разбирались в том, что нужно читать в их возрасте, иногда останавливались возле него и со смехом разглядывали названия книг. Например, это были: «Сельскохозяйственный справочник», «Капитал», «История отопительных приборов», «Теория вероятности» и т. д. В таких случаях Святополк Антонович неохотно отрывался от чтения и начинал сосредоточенно и неторопливо копаться указательным пальцем в своём носу, глядя при этом отсутствующим взглядом прямо перед собой...

Город нехотя просыпался. Каждый имеет право немного полениться, тем более что сегодня была суббота. Машины во дворах почти все ещё дремали. Это было заметно по затуманенным лобовым стёклам и полупрозрачным фарам.

Асфальтовое покрывало дорог, съехавшее ночью во время сна чуть в сторону, сейчас выправилось и, приняв прохладный душ поливальных машин, влажно поблёскивало на солнце. Светофоры на перекрёстках уже работали, но некоторые из них, не совсем проснувшись, ещё долго зевали, путая при этом цвета, чем немало сердили строгую будку постового милиционера.

Святополк Антонович торопливо шёл к своему дому, не обращая никакого внимания на редких прохожих. А те с удивлением разглядывали странноватую фигуру в синем халате и домашних тапках, хозяин которых что-то громко напевал на ходу, дирижируя себе при этом увесистой связкой ключей.

Вымахнувший из ближайшего подъезда крупный доберман закрутился на газоне, замер, сделал своё собачье дело, а потом, заметив архивариуса, кинулся вслед за ним, коротко взлаивая и таща за собой поводок с хозяйкой. Та, не в силах справиться с сильной собакой и боясь самого худшего, попыталась хотя бы окликнуть странного прохожего, чтобы он успел куда-нибудь спрятаться, а ещё лучше – залезть на дерево.

– Мужчина!!!

Резко обернувшись, Святополк Антонович вскинул левую руку над головой и с победным видом на лице выкрикнул:

– В печке! Я нашёл!

Затем последовало энергичное движение ногой, в результате которого сорвавшийся с неё тапок замысловатой дугой полетел далеко в сторону.

Увидев это, доберман тут же перекинулся на другую цель, причём передняя его часть пыталась резко повернуть в сторону, тогда как задняя, более тяжёлая, продолжала ещё по инерции нестись вперёд.

Закончился этот сложный манёвр в полном соответствии со всеми физическими законами. Пёс завалился на бок, перевернулся, растопырив лапы, тут же резко вскочил, да так и

остался стоять, опустив голову и тихо рыча, словно оправдывался перед всеми за столь неуклюжий пируэт.

Архивариус, сделав несколько шагов в направлении улетевшего тапка, вдруг остановился, и на лице его появилось выражение человека, внезапно вспомнившего что-то очень важное. Быстро достав часы и увидев, сколько времени, он искажился лицом, охнул, развернулся и почти побежал, на ходу неуклюже поправляя сползающий с ноги носок.

Теперь Святополк Антонович представлял собой фигуру ещё более странную, но его это видимо совсем не волновало, потому что он спешил. А у него была очень веская причина для этого, ведь сегодня была суббота.

– Сейчас, сейчас... – бормотал Закавыка, пытаясь отыскать в связке ключей свой собственный ключ от квартиры.

Наконец это произошло. Дверь, обитая коричневым дерматином, широко распахнулась, и Святополк Антонович решительно поднял необутую ногу, чтобы переступить порог, но почему-то этого не сделал и ногу опустил.

Он стоял и смотрел широко раскрытыми глазами на коврик, лежащий в коридоре у порога и, по мере того, как он смотрел, лицо его всё больше и больше принимало виноватое выражение. Он переступил порог и закрыл за собой дверь. Его взору предстала вот такая картина.

В конце коридора на полу, точнее, на ковровой дорожке прямо перед самой кухней лежал большой рыжий кот. Лежал он к вошедшему совершенно спиной. Хвост был неподвижен, и даже уши полуопущены. Словом, можно было предполагать самое худшее.

Приглядевшись повнимательнее, Святополк Антонович заметил в позе кота, в том, как он лежит, какую-то странность, что-то такое, отчего сильно хотелось сказать словами великого Станиславского: «Не верю!»

Левая задняя лапа у кота была неудобно повернута оттого, что зацепилась когтём за синтетический ворс дорожки, и теперь тот пытался, не меняя позы и незаметно от хозяина, лапу эту свою освободить. Это говорило о том, что кот только в самый последний момент перед приходом хозяина кинулся изображать тяжёлый обморок, но выполнить всё чисто не успел.

– Фальк, к чему этот спектакль? Прекрати немедленно! У меня было дело, поэтому я задержался, а ты мог и потерпеть какое-то время без еды, без своей разлюбезной печени!

При слове «печени» к коту на короткое время вернулась жизнь. Он слабо шевельнул кончиком своего великолепного хвоста, приподнял голову и, с болью посмотрев через плечо одним глазом на хозяина, тут же обречённо уронил её на пол.

– Ты же знаешь, что сегодня суббота, а по субботам домработница к нам не приходит. Должна же она хоть какое-то время отдохнуть от твоей кормёжки. Посмотри на кого ты стал похож: щёки с кулак, и живот! И живот!!! И больше – ни-че-го!

Кот обиженно засопел. Ему удалось наконец-то отцепить свой коготь, но он упрямо из принципа продолжал свой спектакль, теперь для большей убедительности стараясь реже дышать и втянув, насколько это было возможно, свой живот. Но даже и с втянутым животом он всё равно сильно смахивал на маленького тюленя.

– Ну, хорошо, дружочек мой, я верю, что ты самый голодный в мире кот. Но и ты меня, пожалуйста, пойми! Я стою на пороге величайшего открытия всех времён и народов, обо мне будут писать все газеты мира, я, можно сказать... Ну, я торопился, Фальк, я бежал... Я даже пожертвовал ради тебя своим тапком! Ради тебя, мой милый котик!

Милый котик в это время сосредоточенно ковырял когтём обои на стене, всем своим видом выражая полное презрение к словам кающегося хозяина. И только после того, как хлопнула дверца холодильника, и в его чашку шмякнулся двухсотграммовый кусок сырой печени, только после этого «самый голодный в мире кот» приподнял свой живот и не спеша, с чувством

собственного достоинства, понёс его на мягкое кресло в зал. Ведь уважающий себя кот никогда не будет есть по команде, а лишь тогда, когда сам захочет это сделать.

Святополк Антонович Закавыка жил один, если не считать кота и приходящей на два часа в день, кроме субботы и воскресенья, домработницы Клавдии Валерьевны.

Кот, как вы уже правильно догадались, был общим любимцем и, перешагнувший в свои четырнадцать лет большую половину кошачьей жизни, жил здесь, как у Христа за пазухой, то есть практически без усилий. Конечно, усилия ему всё-таки приходилось прикладывать, но только в двух случаях: чтобы проснуться и чтобы не умереть от переедания. Правда, у каждого здорового кота есть ещё один повод для усилий, но об этом распространяться здесь будет не совсем уместно.

Надо сказать, что в доме номер четыре по улице Фрагонара архивариус оказался благодаря своему коту, и вот какому обстоятельству.

В городском архиве для хранения всей бумажной и картонной наличности были созданы самые благоприятные условия, какие только были возможны. И городские мыши эти самые условия вполне оценили. Их благодарность было поистине безграничной, и распространялась на всё, что пахло казеиновым клеем и до чего могли дотянуться их острые зубы. Другими словами, они были повсюду.

Святополк Антонович мало на что в жизни обращал внимание. Его было довольно трудно вывести из равновесия, но мышей он совершенно не переносил, и их присутствие, особенно на рабочем месте, воспринимал очень болезненно. И вот когда в борьбе с этими грызунами были перепробованы все известные науке способы, а мыши продолжали грызть карандаши на его рабочем столе, Святополк Антонович пошёл на крайние меры. Он засунул своего кота в специальную клетку, и однажды утром принёс его в городской архив.

Перед этим событием Фалька три дня держали на строгой диете, то есть вместо положенных ему в день четырёхсот пятидесяти граммов сырой печени и сухого корма, ему давали ровно половину. И надо было видеть, каких мук, каких усилий стоило архивариусу и его домработнице Клавдии Валерьевне выдержать это всё.

Кот три дня падал в голодные обмороки, и в перерывах между поеданием столь скудной пищи всё время пролежал на полу, не устаивая даже взглядом двух своих мучителей.

Святополк Антонович его страданиям не внимал, был совершенно непреклонен и неумолим. В результате через три дня оголодавший кот был водворён в кабинет номер два городского архива на своё первое боевое дежурство.

Безусловные рефлексy – великая сила. Уже через несколько мгновений Фальк неподвижно сидел возле массивного шкафа, горящими глазами уставившись в одну точку. Его порозовевший нос с вожделением втягивал в себя дразнящие запахи, которые будоражили кровь и заставляли активнее работать слюнные железы.

Мыши, почуяв давнего своего врага, затаились, и лишь едва слышно попискивали, передавая по эстафете страшную весть. Но, как это бывает, в любом сообществе обязательно найдётся особь, которая чего-то недослышала, либо услышала, но не придавала значения, понадеявшись на собственное везение.

Одна из мышей в это роковое для себя утро взобралась на вершину главного стеллажа в надежде полакомиться толстенным переплётом свода законов Российской империи XIX века. Невзирая на очевидную опасность, она всё же решилась приступить к утреннему приёму пищи, и тем самым была немедленно обнаружена.

Фальк, несмотря на свою могучую комплекцию, удивительно легко вскарабкался на самый верх, и в несколько секунд любительница толстых переплётов была поймана. Правда, во время этой короткой погони на пол были безжалостно сброшены с десятков папок с разными бумагами, но какое это имело значение для Святополка Антоновича? Его битва, объявленная мышам, началась, и потери были неизбежны с каждой из воюющих сторон.

– Фалькушенька, лапочка, да ты у меня настоящий воин! – умилился Закавыка, растроганно глядя снизу вверх на своего любимца, который в это время деловито и самым законным образом расправлялся с пойманной жертвой.

Облизнувшись напоследок, «воин» сладко потянулся, а затем, уставившись на хозяина жёлтыми глазищами, требовательно мяукнул: мол, «чего смотришь? Снимай, давай, а то я высоты боюсь».

– Разлюбезный мой котик! Умница!

Святополк Антонович привстал на цыпочки, дотянулся до кота и со всей осторожностью принял его в свои объятия.

И вот тут, откуда ни возьмись, на пол слетел маленький конвертик. То ли Фальк его хвостом смахнул, то ли мыши особо поусердствовали в одной из архивных папок... Словом, упал он сверху, и теперь лежал на полу белым квадратиком.

Кот, вопросительно посмотрев на архивариуса, выбрался из его рук, подошёл к конвертику и тщательно обнюхал его. Потом зачем-то поскрёб коготком плотную бумагу, ещё раз глянул на своего хозяина и ушёл в сторону на поиски очередной мыши, заняв выжидательную позицию возле огромного письменного стола, напоминающего крепостной бастион.

Закавыка поднял конвертик, внимательно оглядел его со всех сторон.

– Заклеен... Но странно, нет никаких пометок: ни номера, ни регистрации, ни даты... Любопытно... Откуда это?

Положив конверт на стол, Святополк Антонович аккуратно собрал разбросанные по полу папки, тщательно пересмотрел их, но все они были добросовестно зашнурованы, и выпасть просто так из них ничего не могло.

С сомнением глянув на стеллаж, он подставил стремянку и обследовал всё на полках, но с тем же результатом. Стоя на верхней ступеньке лестницы, архивариус недовольно поморщился: ему такое положение дел не нравилось.

Среди работников городского архива Святополк Антонович пользовался вполне заслуженной славой человека, который помнил всё и мог легко разыскать любую бумагу, даже если он видел её последний раз лет десять тому назад.

Скользнув взглядом по сиротливо лежащему посреди кабинета мышиному хвосту, архивариус погрозил кому-то пальцем и громко сказал: «Вот я вас всех!»

Спустившись с лестницы, он быстро подошёл к письменному столу, взял конверт в руки и, помедлив, вскрыл его. Внутри оказался сложенный в несколько раз совершенно чистый лист папиросной бумаги.

– Что за фокусы? – с недоумением пробормотал архивариус. – Зачем нужно вкладывать в конверт чистый лист бумаги, да ещё и заклеивать его?

Святополк Антонович сел на стул и задумался. Жизненный опыт говорил ему, что всё происходящее вокруг должно иметь какой-то свой, далеко не всем заметный смысл, иначе отсутствовал бы порядок во всех связях. Он был совершенно уверен, что любой встретившийся человек, любая находка или событие, на первый взгляд совершенно случайное, – всё это лишь закономерная цепь действий, поступков, наших мыслей, образа жизни, наконец.

Именно поэтому, сидя на стуле и держа перед собой этот странный лист чистой бумаги, Закавыка всё больше и больше укреплялся в мысли, что всё это неспроста. Сам лист хранил гробовое молчание, как ни пытался архивариус хоть что-то на нём рассмотреть.

– Конспиратор!

Из-под стола вдруг раздалась ожесточённая возня. Затем в ноги Святополка Антоновича на полном ходу врезался его кот, и по сложной кривой, балансируя на поворотах хвостом, понёсся в дальний угол кабинета за очередной жертвой.

Архивариус, успевший забыть про него, вздрогнул, увидев мышь, и внезапно почувствовал, что ему остро необходим свежий воздух!

За окном разгоралась солнце. Несмотря на то, что растущие перед зданием городского архива старые липы затеняли густой листвой его свет, солнечные зайчики всё же пробились сквозь эту преграду и усеяли весёлыми жёлтыми пятнами подоконники, балконы и карнизы.

Распахнув окно, архивариус глубоко и с удовольствием вздохнул, но насладиться свежим летним днём ему не дали. Под окном послышалось чьё-то сопение, глухой кашель, что-то громко звякнуло, и сразу же в нос Святополку Антоновичу вползла густая и едкая волна тяжёлого запаха.

Перегнувшись через карниз, он увидел внизу Григория, здорового мужика, работающего в архиве рабочим по зданию. Появился он здесь недавно, и умел делать всё. Единственным недостатком у Григория была его немота. Кто-то из сотрудников архива тут же высказал предположение, что будто бы тот родился совсем без языка. Подтвердить или опровергнуть это было сложно, так как немой ни с кем не общался и без особой надобности рта не открывал.

Как это ни странно, но единственный, кого Григорий выделял из всех, так это малоприметного и невзрачного архивариуса Закавыку. Вот и сейчас, увидев в окне Святополка Антоновича, тот радостно осклабился и даже как будто ему подмигнул.

Выдавлив из себя подобие улыбки, архивариус тут же отошёл вглубь кабинета, а Григорий, держа в одной руке банку с надписью «Кузбасс-лак», а в другой – кисть, начал не торопясь подкрашивать низенькую железную оградку, тянущуюся вокруг всего здания архива.

– Вот, значит, как... – неопределённо изрёк Святополк Антонович и оглянулся в поисках кота.

Тот лежал с довольным видом под столом, умывался лапой, тщательно вылизывая её языком. Очередной мышиный хвост расположился поблизости от его собственного.

На взгляд хозяина Фальк ответил взглядом, полным любви и всепрощения. Потом, видимо, подумав, что этого будет недостаточно, подошёл к нему и стал тереться головой об ноги, выгибая спину и раскатисто урча.

– Вот и славненько, вот и славненько, милый Фалёк!

Архивариус погладил кота и пошёл было к своему столу, но вспомнил, что оставил бумагу на подоконнике.

Он вернулся и протянул руку, чтобы забрать этот странный листок, да так и остался стоять с вытянутой рукой. На таинственном листе в тех местах, где на него попадали солнечные лучи, были чётко видны проступившие буквы.

– Любопытно! Буквы появляются под воздействием солнечного света. Любопытно...

Взволнованный Святополк Антонович, сам не зная почему, чуть не наступив на кота, вдруг кинулся к дверям и закрыл их на ключ. Затем на цыпочках подбежал к окну, осторожно выглянул на улицу.

Должно быть, это было всего лишь совпадением, но Григорий в этот же самый момент как-то пристально и особенно внимательно уставился на Закавыку.

Не придав этому значения, архивариус быстро прикрыл окно. Подставив под солнечные лучи не проявившиеся ещё участки бумаги, он с нетерпением стал ждать.

Эта неожиданная находка вполне могла нести в себе какое-нибудь историческое открытие, и Святополк Антонович сейчас испытывал примерно то же, что испытывает охотник, стоящий с ружьём наизготовку перед медвежьей берлогой.

Тайные буквы, словно им наскучило пребывание в неизвестности, не заставили себя долго ждать, и скоро архивариус Святополк Антонович Закавыка в сильнейшем нетерпении сидел за столом, держа в одной руке новоявленный текст, а в другой сжимая для верности большую лупу.

Глава 7. «Редкие вещи»

Вещи, которые окружают нас с детства, в общем-то, мало чем отличаются от нас, людей. Судите сами: они рождаются, живут (кто больше, кто меньше), приходят в негодность, стареют и точно так же умирают. Есть вещи дорогие, именитые, а есть самые простые и неброские. Есть вещи красивые, есть вещи уродливые, есть избалованные и есть скромные, есть громкие, крикливые, а есть тихие, спокойные и уравновешенные – рыночные весы, например. И все они – дело наших рук, а также наших голов, страстей, привычек и всего того, что называется особенностями характера.

Исходя из этого вполне возможно предположить, что если, закрывая дверь, мы вдруг прищемляем себе палец, то это происходит не от нашей неосторожности, а скорее от несносного характера этой самой двери. И если, примеряя новую пару обуви, вы чувствуете, что вашей правой ногой, в отличие от левой, как-то уж очень тесно и неудобно, это не от того, что у вас разные ноги, а оттого, что вы почему-то не очень понравились строптивому обитателю обувной коробки.

И, наоборот. С каждым из нас бывали случаи, когда падающая посуда чудесным образом не разбивалась; тонкая доска, перекинута через глубокое место, выдерживала нас; молоток, несмотря на неумелые руки, не бил по пальцам, а когда мы, поскользнувшись, готовы были вот-вот упасть, в последний момент подошва нашей обуви самым невероятным образом помогала нам удержаться на ногах. Так что ко всяческим неожиданностям надо быть готовым не только от людей!

Но вернёмся в Дом номер четыре по улице Фрагонара. Прошло уже несколько дней, и в помещении за дверью под вывеской «Редкие вещи» произошли некоторые изменения.

Вдоль стен ближней комнаты теперь стояли высокие стеклянные шкафы с пока ещё пустыми полками. Появился рабочий стол со всеми принадлежностями, касса и несколько деревянных стульев. Под столом утвердился небольшой серебристый сейф. Несмотря на малые размеры, выглядел он очень солидно и респектабельно.

В дальней комнате стены были свободны от мебели, так как их приготовили для предметов изобразительного искусства. В центре красовался большой круглый стол-витрина, под стеклом которого должны будут разместиться предметы мелкие и преимущественно ювелирного достоинства.

Поначалу Евгений разложил на полу два больших Ковра, чем вызвал яростное сопротивление Паркетного Пола. Тот был категорически против того, чтобы на его блестящую лицевую поверхность складывали подобные ненужные вещи. По ночам Паркетный Пол изводил всех своими воплями о том, что он не потерпит, что он примет решительные меры и что вообще у него аллергия на пыль, и в особенности от Ковров.

Чтобы сбросить с себя ненавистную ношу, он пошёл на крайние меры. Во-первых, Паркетный Пол намеренно стал выгибаться горой, чтобы при ходьбе по Коврам все скользили. Самым коварным было его последнее изобретение. Он наловчился приподнимать свои плашки в тот момент, когда по Коврам кто-то шёл, чтобы о них спотыкались. Бедные Ковры ничего не могли с этим поделать, и только печально вздыхали. В конце концов, Паркетный Пол добился своего, и ни в чём не повинные Ковры Евгением были убраны.

И вот наступил день официального открытия. Заклучалось оно в том, что вывеска над дверью была украшена воздушными шарами, а сам Евгений, одетый в светлый костюм с бабочкой, трижды прокричав «Гип-гип, Ура!», выстрелил из новогодней хлопушки, распугав при этом местных голубей. Те, лениво захлопав крыльями, отлетели для приличия на несколько шагов, но тут же кинулись обратно, приняв рассыпавшиеся по асфальту конфетти за корм. Но конфетти не глотались, и голуби, с укором посмотрев на Евгения, расселись по карнизам.

Старый Дом тоже радовался этому событию, и вот почему. Уже много месяцев он пустовал, а оставаться одному на старости лет, согласитесь, не очень-то приятно. И хотя на его стене рядом с парадным входом красовалась мраморная доска с надписью «Особняк XVIII века. Охраняется государством», никто его не охранял и, вообще, о Старом Доме точно все позабыли. Он, конечно, от этого очень страдал, но виду не подавал, так как был очень воспитанным Домом.

Выстрелив хлопнушкой и помахав рукой обернувшимся на него прохожим, Евгений уселся на стоящий у дверей Вертящийся Стул в ожидании первых посетителей.

Солнце пока ещё скрывалось за спинами высоких домов, но уже всю золотило крышу Старого Дома, заглядывало в чердачные оконца, раскачивая лучами часто натянутую между стропилами паутину.

Вертящийся Стул, большой любитель солнца, с нетерпением поглядывал наверх, туда, где в высокой бирюзе неба купались в прозрачном воздухе стрижи. Они возникали, казалось, ниоткуда, и, прочертив сложную спираль, вновь растворялись в бездонной вышине.

Сирень вдоль металлической ограды была очень старой, и выросла такой же высокой, как и деревья. Евгению сквозь неё хорошо было видно, как по тротуару идут люди: одни – торопясь, другие – не спеша, одни – с заботой на лицах, другие – с безмятежной улыбкой. Некоторые из них, заметив новую вывеску, на мгновение задерживали на ней свой взгляд и шли дальше, унося с собой какое-то впечатление.

Евгений терпеливо ждал. Некий гражданин в шляпе и при галстукке вдруг остановился и стал пристально смотреть в его сторону. Взявшись руками за решётку ограды, он даже попытался протиснуть свою голову поближе, но, уронив шляпу, отказался от этой затеи.

Потоптавшись на месте, гражданин пошёл было своей дорогой, но остановился и двинулся в обратном направлении, туда, где стояли кирпичные столбы от бывших ворот.

Очень скоро Евгений услышал торопливые шаги, и из-за угла дома появился этот самый гражданин в шляпе. Остановившись напротив, он с усмешкой переводил взгляд с Евгения на вывеску и наоборот, причём делал это, как плохой актёр, очень старательно и демонстративно. Молодой человек с лёгкой улыбкой наблюдал за ним. Наконец, гражданин в шляпе устал от этой гимнастики для глаз.

– Послушайте, молодой человек, это же несерьёзно!

– Что вы имеете в виду? – вежливо поинтересовался Евгений.

– Да вот, хотя бы эту вашу, с позволения сказать, вывеску. Как можно на что-то рассчитывать с такой вывеской?

– А чем это она плоха?

Гражданин в шляпе аж подпрыгнул.

– Как?! Вы сами, что, не понимаете? Её размер! Ведь её почти не видно с дороги! Вывеска должна быть минимум в три раза больше и ярче! А на ограде нужно разместить рекламу вашего заведения с указующей стрелкой. Молодой человек, это элементарные вещи! И потом, вы хотите, чтобы покупатели лезли к вам через забор?

– Ну, почему через забор? Достаточно обойти его, и всё!

Спокойная речь Евгения, казалось, выводила гражданина в шляпе из себя, и он начинал кипятиваться всё сильнее и сильнее.

– И всё!?! Вы что, смеётесь? Вы, я вижу, совершенно не разбираетесь в бизнесе! Да поймите же вы, покупателю надо создавать условия! Человек так устроен, что он шагу лишнего не сделает!

– И что вы предлагаете?

– Ну, во-первых, спилите всю эту зелень! Сирень закрывает вывеску. Во-вторых, уберите эту ограду и, в-третьих, сделайте асфальтированную дорогу вот от меня и до тротуара. И желательно с автостоянкой хотя бы на десять автомобилей... Дальше! Закажите дополнительный

баннер с надписью «Сэйл минус десять процентов»... Послушайте, что у вас за странные очки? Я почему-то вижу в них себя в перевёрнутом виде!

Но молодой человек его не слушал. Он поднялся со стула и смотрел туда, где вдоль ограды Дома росла старая сирень.

Возможно, это была всего лишь игра воображения, но Евгений мог поклясться в том, что в этот момент видел, как тонкие веточки сирени торопливо и судорожно переплетались с прутьями решётки ограды. Они словно цеплялись за неё, как цепляется, ища спасения, тонущий человек.

– Вы меня слушаете или нет?

– Что? Ах да, мои очки... Не обращайтесь на них внимания! Это такая особенность стекла. Ничего не могу с этим поделать... А что касается вывески и прочего, так ваши советы хороши для какого-нибудь навороченного супермаркета. А здесь не коммерческое учреждение. Это, скорее, музей... Да, именно музей редких вещей!

– Муз-е-е-й... – разочарованно протянул гражданин в шляпе. – И кому будет нужно это кладбище нафталина?

Вертящийся Стул вдруг ни с того, ни с сего поехал прямо на гражданина, но, не удержавшись на ступеньках, упал на бок.

– Возможно, мне, а, возможно – вам. Возможно, ещё кому... – сказал Евгений, поднимая стул. – Это память.

– Память... Ну и что? – оживился гражданин в шляпе. – Память может быть очень даже хорошим товаром. Вот, если бы, к примеру, вы, молодой человек...

– Предпочитаю памятью не торговать. Её лучше всего хранить.

– Да вы попробуйте! – но, увидев ещё раз себя в перевёрнутом виде, гражданин в шляпе осёкся, обиженно сложил губы розеточкой. С неприязнью глянув на Вертящийся Стул, с расстановкой сказал:

– Вы об этом ещё пожалеете! – и так же быстро, как и появился, исчез за углом дома.

Пожав плечами, молодой человек вновь уселся на Вертящийся Стул и достал из кармана небольшую книжечку «Лики России». Рядом с ним, за дверью, внутри сберегаемого им Дома кипели невидимые страсти, которые по своему накалу нисколько не уступали страстям человеческим.

Глава 8. Нечеловеческие страсти

– Послушайте, Форточка, – надрывался Дырокол. – Из-за вас здесь постоянные сквозняки и сырость, а нам, Дыроколам, это очень вредит! Я не хочу, чтобы мои пружины пострадали! Закрывайтесь!

Дырокол от возбуждения подскакивал на столе, а его большие железные челюсти лязгали в такт движениям.

– И не подумаю, – флегматично заявила Форточка. – Вчера вечером здесь кто-то до хрипоты требовал, чтобы я была открыта всю ночь, так как, видите ли, некоторые Дыроколы задыхаются от присутствия посторонних.

– Да, задыхаются! Попробуйте-ка всё время находиться рядом с этими двумя Стиральными Резинками! Они пахнут так, словно только что искупались в нашатырном спирте! Если их от меня немедленно не уберут, то я отказываюсь!

Дырокол не стал уточнять, от чего именно он отказывается, но на некоторых это его заявление произвело довольно сильное впечатление.

– Да! Вот именно, отказываюсь! – ещё раз громко и с вызовом повторил Дырокол.

Находящиеся рядом с ним две цветные, очень миленькие Стиральные Резинки обиженно надули губы, но потом одна из них, розовая и овальная, не выдержала:

– Из всего сказанного вами в наш адрес я поняла, что вы, Дырокол, типичный «хамус дыроколус», а если по-простому – обычный хам. А так как все хамы понимают только тот язык, на котором говорят сами, то я заявляю при всех, что вы злобный, недалёкий, уродливый железный карлик, да ещё и храпящий по ночам самым противным образом.

Обе Люстры одобрительно качнулись, издав мелодичный звон. Но Дырокол, испробовав на прочность одних, тут же устремился всей своей вредной натурой к новой жертве.

– Эй, Выключатель! Вы, Вы! Я к вам обращаюсь! Не забудьте выключить свет ровно в восемь! Меня раздражает искусственный свет!

Полу-глухой Выключатель в разговорах с другими давно уже блуждал, как в тёмном лесу. Вот и сейчас он, радостно засмеявшись, выдал очередной экзерсис:

– Да, мой юный друг, к чему скрывать, в молодости я тоже был отчаянным жуиром. А? Да... Как сейчас помню, лет эдак семьдесят тому назад я загорался, как и вы, можно сказать, от первого прикосновения!

Ошалевший от собственных воспоминаний, Выключатель минут на двадцать завёл повесть о прежних днях, причём старался делать это непременно в лицах, посмеиваясь и всхлипывая поочередно.

А Дырокол тем временем уже бесцеремонно разглядывал маленькую, очень изящную Этажерку, которая появилась здесь только этим утром. Она одиноко стояла рядом с окном, и солнечный свет, который, как известно, в первую очередь задерживается на вещах красивых, как-то по особенному бережно и нежно прикасался к трём её полочкам, к воздушной резьбе затейливых спинок, оставляя на Паркетном Полу её трепетный силуэт.

– Эй, вы, у окна... – начал было Дырокол, но внезапно замолчал, так как почувствовал, что начинает медленно и неотвратимо сползать с гладкой поверхности Стола.

Дырокол попытался за что-нибудь зацепиться, чтобы удержать себя от падения, но всё было напрасно. Стол приподнимался, но при этом так балансировал, что все находящиеся на нём предметы оставались на своих местах, кроме этого бузотёра и забияки. А тот продолжал благополучно съезжать, и остановился только на самом краю столешницы.

Этим самым Стол недвусмысленно дал понять, что не потерпит на себе подобного поведения и остановился, рассчитывая на благоразумие Дырокола.

Видимо, такое сложное понятие, как благоразумие, было для Дырокола совершенно недоступно, и, почувствовав себя опять устойчиво, он тут же разразился гневными воплями в адрес «ненормального Стола», после чего был окончательно сброшен на пол.

– Этот упрямец получил по заслугам, – голос Стола прозвучал негромко, но очень внушительно. – И если вдруг у него снова появится желание кого-то оскорбить или обидеть, то церемониться я уже не буду.

При этом он легко приподнял свою массивную ножку и опустил её в каких-нибудь двух миллиметрах от поверженного Дырокола. А тот, не ожидавший подобного развития событий, лежал кверху основанием и тихо страдал. Он уже попытался сделать несколько бесплодных попыток перевернуться, но быстро понял, что самостоятельно у него это вряд ли получится. Положение было безвыходным и крайне унижительным.

– Благодарю вас, милый Стол. Вы поступили благородно. Хотя я и сама могла бы постоять за себя.

Этажерка обладала голосом чистым и очень приятным по тембру. Палисандровое дерево, послужившее материалом для неё, было хорошо высушено, обработано и несколько раз покрыто особым лаком, одним из тех, что покрывают скрипки.

Неожиданно сверху послышались странные звуки, словно кто-то изо всех сил пытался сдержать бурные рыдания. Так оно и оказалось. Это расчувствовалась младшая Люстра, вспомнив своего благородного героя. Она судорожно всхлипывала, повторяя при этом: «Дверной Замок был таким бравым! И милым, милым...»

А сам Дверной Замок, разобранный по частям и обездвиженный, лежал в маленькой картонной коробке в одном из ящиков Стола, и безмолвно страдал от своей любви к прекрасной хрустальной младшей Люстре и от невозможности совершить ради неё ещё какой-нибудь замечательный подвиг.

– Послушайте, милочка! Немедленно прекратите эту истерику. Ну, нельзя же так трястись, вы меня разбудили!

Это ворчал недовольным голосом разбуженный Потолок. Он, в отличие от всех присутствующих здесь, умел впадать в длительную спячку, а проснувшись и узнав, какое сейчас время года, тут же засыпал опять. Вот и сейчас он долго зевнул, а потом поинтересовался, что там за окном.

– Ле-е-то... – еле выговорила продолжающая всхлипывать младшая Люстра. – Простите меня, пожалуйста... Вы должны были проснуться осенью, в сентябре, а я вас разбудила-а-а!

И она зарыдала в голос, не в силах сдерживать себя.

– Успокойся, сестрица, – сказала старшая Люстра. – Мало ли что бывает с нами, Люстрами, в жизни. И потом ничего ещё не потеряно. Твой Дверной Замок достаточно только правильно собрать, и он к тебе вернётся.

И тут старшая Люстра с невыразимой нежностью посмотрела в сторону входной двери, за которой находился Вертящийся Стул, и все её подвески едва слышно затрепетали.

Оконный Шпингалет, перехватив этот её взгляд, ревниво засопел. Поздно сообразив, что он упустил свой шанс, и в сердце старшей Люстры с комфортом расположился этот вертящийся выскочка, Шпингалет теперь мучился от ревности. Он, можно сказать, лез «из железа вон», чтобы вернуть прежнее расположение хрустальной красавицы, но было уже поздно.

Никто никогда не сможет объяснить, вследствие каких химических реакций происходит эта сердечная перестройка, но она производит в любом организме эффект разорвавшейся, неизвестно каким образом действующей бомбы.

Мы теряем покой, перестаём принадлежать себе, постоянно думаем о предмете своей любви, ищем его глазами, ловим звуки его или её голоса, безосновательно мучаемся, беспричинно радуемся, трепещем, совершаем безрассудные с точки зрения нормальной логики

поступки, – и всё это единственно ради того, чтобы заслужить всего только один взгляд, полный бесконечной нежности и любви!

Именно такой взгляд и увидел сгорающий от ревности Шпингалет.

Кстати, ревность нисколько не уступает любви ни по накалу страстей, ни по затуманиванию разума, и, доказательство этому – слова, которые наш оконный ревнивец выдал во всеуслышание:

– Мы, Шпингалеты, являемся благородными выходцами из Южной Франции, и у нас – самая древняя родословная, которая теряется в веках! На этом основании я требую к себе особого почтения!

Сказав это, Оконный Шпингалет принял гордый вид и украдкой глянул на Люстру, чтобы понять, какое это произвело на неё впечатление.

Люстра, судя по всему, осталась к его громкому заявлению абсолютно равнодушна, зато в наступившей тишине очень ясно прозвучал спокойный мелодичный голос:

– Простите, но у меня сложилось впечатление, что в глубине веков потерялась не только ваша родословная, но и кое-что ещё, гораздо более важное.

– Что за намёки?! – запетушился Оконный Шпингалет. – Что за намёки? Объяснитесь немедленно!

Этажерка тонко усмехнулась:

– Попробуйте догадаться сами.

Шпингалет начал подпрыгивать своим затвором и угрожающе им клацать.

– Я не позволю, чтобы какая-то там деревянная лакированная полка стала указывать, что мне делать и что говорить!

– Вы что-то имеете против деревянных вещей? – поинтересовался Стол.

– Да! Да! Да, имею! – бесновался Оконный Шпингалет. – И вас, Стол, я не боюсь!

– Bravo! – раздался придушенный голос Дырокола. – Bravo, Шпингалет! Вы настоящий южный француз! Я бы тоже ему так ответил! Кто-нибудь, проверните меня!!!

Глава 9. Тайник

За дверью раздались близкие голоса, и вещи приутихли. Это к Евгению пришёл его хороший знакомый с редкой профессией печника и трубочиста. Звали его Виктором, и был он мужчиной крепким, русоголовым, с глазами зелёными и шальными. В руке он держал чёрный чемоданчик с необходимым для работы снаряжением.

Вообще-то Виктор занимался всеми верховыми работами, какие мог предложить ему большой город, а печи и трубы были, скорее, его увлечением. Хотя, представляясь при знакомстве, он охотно называл себя трубочистом, и с улыбкой наблюдал за удивлением, появлявшимся на лицах собеседников.

Ещё он примерно раз в месяц давал мастер-классы по технике прочистки печных труб и дымоходов, и, что самое интересное, большинство его аудитории составляли девушки. Видимо их, как особ более романтических, городские крыши привлекали гораздо сильнее, чем молодых людей.

Поговорив немного с Евгением и уточнив, какую именно трубу предстоит осматривать, он уже ловко карабкался вверх, используя для подъёма торчащие из стены металлические штыри, на которых когда-то держалась пожарная лестница.

Взобравшись на крышу, Виктор сбросил верёвку, и Евгений привязал к ней чёрный чемоданчик.

Когда чемоданчик был поднят, верхолаз помахал Евгению рукой и начал осторожно подниматься по старой, местами разбитой и треснувшей черепице в сторону одной из трёх кирпичных труб, возвышающихся над двускатной крышей.

Труба была объёмистой, и Виктор, хоть и с трудом, но мог в неё залезть. Это предполагалось в крайнем случае, а вообще у него было достаточно всяких приспособлений, чтобы прочистить трубу, не забираясь в неё.

Перегнувшись через край начавшей разрушаться кирпичной кладки, он осмотрел трубу изнутри. Потом, достав из чемоданчика небольшую, но увесистую гирьку на прочном шнуре, ловко отправил её в дымоход. Та, опустившись метра на четыре, дальше не пошла, ударившись о какое-то металлическое препятствие. Сколько ни пытался Виктор его пробить, ничего из этого не получалось. Оставался только один самый верный и надёжный способ: лезть самому внутрь трубы и уже там, на месте, попытаться это препятствие устранить.

Быстро переодевшись в комбинезон и закрепив на голове фонарик, он обвязал вокруг трубы страховочный трос, опустил его в дымоход, закрепил на поясе стальной крюк, и, поплевав на руки, стал осторожно спускаться внутрь, держась за вмурованные в кладку скобы.

Было тесно, пахло старым нежилым домом, немного – гарью и чем-то ещё, не поддающимся определению. Урезанное небо над его головой становилось всё меньше, а уличные звуки доносились всё глуше и глуше, растворяясь в этом каменном жутковатом мешке.

Фонарный луч упирался прямо в стену перед глазами Виктора, и он увидел, что дымоход, в отличие от трубы, сложен был не из кирпича, а из плотно подогнанного, прокопчённого за два столетия камня. Он продолжал медленно спускаться, осторожно ощупывая носком ботинка пустоту под собой, пока нога его не упёрлась во что-то твёрдое.

Направив луч света вниз, Виктор увидел под собой довольно большую плоскую металлическую коробку, которая покоилась на укрепленной в дымоходе железной кованой решётке. Это было довольно неожиданно, хотя чего только ему не доводилось находить в старых трубах! Например, совсем недавно в дымовой трубе пятиэтажной «хрущёвки» он нашёл настоящее страусиное яйцо. Как правило, всё это попадало в дымоход случайным образом, а здесь же под его ногами было нечто продуманное.

Кое-как изловчившись в этой неимоверной тесноте, Виктор с большим трудом сумел коснуться края коробки и ухватился за неё одной рукой. Несколько раз он пытался приподнять находку, но та оказалось настолько тяжёлой, что всякий раз выскальзывала из пальцев. Чертыхаясь, согнувшись в три погибели, обливаясь потом, упорный трубочист в течение получаса боролся с неподатливой вещью. Наконец ему удалось подсунуть под неё ногу, приподнять, и, намертво вцепившись в коробку свободной рукой, начать её приподнимать.

Очень осторожно, буквально по миллиметру тащил он её наверх, пока эта тяжесть не оказалась на уровне его груди. Крепко прижав коробку к себе, задышавшись, Виктор стал подниматься туда, где светлел голубым глазом квадратик неба.

Не выпуская своей ноши из рук, он выбрался наверх, опустил на тёплую поверхность крыши, в изнеможении привалившись спиной к трубе. Отдышавшись, Виктор внимательно рассмотрел свою находку.

Стало понятно, почему коробка была такой тяжёлой: как и решётка, которая её держала, она была кованой и очень старой.

Тёмный металл во многих местах обильно позеленел и, судя по всему, это была медь. Коробка была надёжно закрыта на внутренний запор. На её крышке отчётливо проступал выдавленный круг, а внутри него – изображение руки, державшей корону в обрамлении слов «Доблесть, отвага, благородство».

Почувствовав пальцами что-то внизу, Виктор, перевернув коробку, увидел маленькое углубление, в котором помещался ключ, прижатый к основанию гибкой пластиной.

Первым желанием было, взяв ключ, тут же открыть её, но он пересилил соблазн. Нужно было ещё доделать начатую работу. Снова вниз полетела гирька, и на этот раз, пройдя сквозь решётку, она легко опустилась до нижней топки.

Примерно через сорок минут Виктор, сложив инструмент обратно в чемодан и прихватив свою находку, уже собрался было спускаться по черепице в сторону пожарной лестницы, но вдруг неожиданно для себя остановился. Он остановился и как-то по-особому посмотрел вокруг.

Такое иногда случается с каждым из нас. В суете ежедневных дел, в привычной и обыденной обстановке окружающего нас мира, когда всё сливается в единый поток зрительных, слуховых и осязательных интонаций, иногда происходит сбой. А может, это просто души наши, жалея своих непутёвых хозяев, словно натягивают крепкие вожжи, останавливая нас на полном скаку перед кошмарной пропастью. И тогда приходят те редкие мгновения, которые, разрастаясь, заполняют наши сердца целиком и врезаются в память, оставаясь там на всю жизнь.

Собственно, ничего такого в этот момент не происходило, просто на залитой солнцем крыше стоял человек. А над его головой, наслаждаясь безграничной свободой, о чём-то говорили с небом стрижи.

Липы доверчиво подставляли свои кудрявые головы мягким рукам летнего ветра, который, пребывая в созерцательной задумчивости, ласково перебирал их листья, находя для каждого тёплые слова. Терпеливая и щедрая земля ровно дышала каждой своей травинкой, вольно раскинувшись под незримым крепким берегом бескрайнего воздушного океана. И стоящий на крыше человек в это мгновение знал ответы на все вопросы и совсем не боялся смерти.

Виктор вышел из этого состояния внезапно и не по своей воле. С последнего этажа огромного дома, нависшего над всем вокруг, по его глазам ударил яркий световой блик. Это было похоже и на зеркальце, пускающее солнечных зайчиков, и на оптический прицел, выдавший себя неосторожным движением.

Глава 10. Лесные люди

Капитон ехал по гулкой улице, сдерживая застоявшегося коня, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Муром ещё дремотно потягивался, наполовину пребывая в предрасветной истоме.

Городок как-то с неохотой приоткрывал ставни на глазах-окнах, и, зевая, кособочился широкими воротами дворов, из которых, протяжно мыча, потянулись коровы. Выгнав со двора скотину, бабы, простоволосые, со следами сна на разомлевших лицах, торопливо плеснув в них прохладной водой из рукомойников, уже спешили сноровисто затопить в летних кухнях печки, чтобы успеть накормить свеженьким да горячим завтраком храпящие ещё бородатые и безусые рты своих больших и малых домочадцев.

Миновав базарную площадь, Капитон направился по знакомой уже вчерашней улице мимо потемневшего от утреннего дождя деревянного коня, мимо резных палисадников, мимо начавших попадаться ему навстречу редких ещё конных и пешеходных горожан. Конь его шел спокойно и ровно, а у него перед глазами стояла лишь одна картина: фигурка ладная, прядь русая, маленькая ступня в росяной траве, голос завораживающий...

– Таня... – прошептал Капитон, и вдруг, теряя равновесие, едва не вывалился из седла.

Конь его, привыкший к твёрдой руке, в последний момент отвернул от стоящей посреди дороги телеги, полной сена, рядом с которой сутился рыжий мужичок с искалеченной рукой, безуспешно пытаясь надеть на заднюю ось слетевшее колесо.

– Ах, чтоб тебя!... – навалился было на него Кусай, замахнувшись плетью, но разглядев беспомощно висящую руку, замолчал.

– Слышь? Давай, подсоблю.

Спешившись, Капитон отвёл своего коня в сторону, накинув вожжи на чью-то коновязь, вернулся на дорогу.

– Колесо это окаянное... Будь оно трижды неладно! Думал, до кузни успею добраться... Понадеялся, а оно, треклятое! Говорил же мне сват давеча, мол, не доедешь ты, Антип...

Мужичок говорил торопливо, захлёбываясь словами, словно боялся, что незнакомец передумает, оставит его один на один с неподъёмной телегой.

Тем временем рязанец, присев на корточки, осматривал заднюю ось. Та была в порядке, а вот колесо давно дышало на ладан: втулка была повреждена, и к тому же где-то по дороге из неё вывалился шип.

– Та-а-к... – Капитон засучил рукава и поплевал на руки. – Я телегу сейчас приподниму, а ты ставь на место колесо. Справишься?

– А то! – засуетился мужичок и, цепко ухватившись здоровой рукой за обод, замер, ожидая команды. Телега, протяжно скрипнув, выпрямилась и встала на четыре колеса.

– Вот спасибо, мил-человек! Вот спасибо! Кабы не ты...

– Погоди!

Заприметив валяющуюся у забора подходящую бакулку, Кусай ловко обтесал её топором и вогнал во втулку колеса.

– Ну, вот, – улыбнулся он. – Теперь не то что до кузни, до бабы до своей доехать сможешь.

Мужичок как-то странно глянул на Капитона, а потом вдруг сморщился, словно клюкву раскусил. Тяжело взобравшись на телегу, взял здоровой рукой вожжи, отвернулся в сторону.

– И рад бы до неё доехать, да не смогу. Нету моей бабы... Убили Агафьюшку этой весной люди тверского князя... А она на сносях была, родимущка моя... Осиротел я, разом осиротел...

Бросил он вожжи, заелозил кулаком по глазам. Вгоняет слёзы обратно, негоже мужику плакать, да напрасно. Не остановить их, покуда льются реки кровавые, покуда будет всходить на утренней траве багровая роса.

Смотрит Капитон на худую спину, на повисшую руку, на заплаты кривые, неумелые на портках да на рубахе, и каменеет лицом, и бугрятся желваки на его лице, вспухают зло.

Воином был ближний слуга рязанского князя Василия, хорошим воином. И смерть видел не раз, и самому доводилось других жизни лишать, так ведь в честном бою это было, с соперником равным. А здесь – иное дело, сродни разбойному.

И тут неожиданно встало перед Капитоном видение да такое, от которого, стиснув зубы, застонал он, содрогнулся от ужаса. Видит он, будто бежит по бескрайнему ржаному полю девушка в рубахе белой. Платок за плечами малым парусом раздувается, косы тяжёлые высвободились и бьются между лопаток тугими змеями. Бежит девушка по полю, мнёт босыми ногами тяжёлые зрелые колосья, а те перед ней расступаются, словно дорогу дают, словно сами бежать ей помогают.

Смотрит Капитон на всё на это как будто с высоты, с той высоты, откуда жаворонки песни свои утренние петь начинают. Смотрит – и верить отказывается.

Чёрной рекой сквозь золотое поле несутся на диких лошадях люди жестокие, с глазами опасными, а берега у этой реки – тела в рубахах белых с багровыми узорами от злых стрел. С грохотом рвут железные подковы землю, с корнем выбивают рожь, а только всё равно смыкаются крепкие колосья, намертво переплетаются между собой, не хотят пропускать чёрную силу.

Но вот вырвались вперёд три всадника, хлещут лошадей плетью. У тех оскал страшный, кровь в глазах, пена под копыта летит. Уже зазвенела тетива, натянулась сильными, беспощадными пальцами, хищным клювом изогнулся наконечник стрелы, готовой сорваться в визг и, распарывая воздух, впиться в убегающую жертву.

И вдруг останавливается девушка, оборачивается медленно, и узнаёт Капитон самое дорогое на всём белом свете для него лицо.

И тогда начинает он что-то ей кричать, а голоса нет. Хочет стрелу достать, а руки не шевелятся и сам он, как мёртвый, только глаза стонут.

Затряс Капитон головой, пытаясь прогнать злой морок. Долой гонит от себя страшное это виденье. Топор выхватил, да ещё и замахнулся им на кого-то невидимого.

Запряжённая в телегу лошадь, испугавшись этого, дёрнулась вперёд, и мужичок, теряя вожжи, едва не кувыркнулся в дорожную пыль.

– Ты это чего? – голос у него дрогнул, глаза округлились. – Телегу мою с медведем перепутал?

– Извиняй... – Капитон незряче смотрел куда-то. – Такое померекалось, что не приведи Господи...

И тут за ближним поворотом улицы послышался резкий уверенный топот многих копыт. Всадники должны были вот-вот показаться, и Кусай, интуитивно почувствовав опасность и уже не успевая к своему коню, запрыгнул на телегу и через мгновение исчез под скошенной травой. Мужичок, наморщив лоб, с недоумением посмотрел на то место в телеге, где спрятался Кусай, а затем перевёл взгляд в сторону всадников.

Пятеро конных, стремительно вывернув из-за поворота, оказались городскими стражниками, мимо которых вчера так удачно проскользнул в город Капитон. Разглядев их в малую щёлочку в сене, рязанец возблагодарил Небо и своего ангела-хранителя. Попадись он сейчас им на глаза, схватки было бы не миновать.

Капитон нисколько не сомневался в том, что заросший до бровей Егорушка, которому он отсыпал полную горсть денег, наверняка уже выяснил у своей соседки, что никто к ней вчера из Москвы с приветом от дочери не приезжал.

Всадники пронесли мимо, и Кусай, выдохнув, собрался потихоньку выбираться из своего травяного тайника, как вдруг раздался знакомый голос:

– Эй, Антип! А ну, погоди!

Мужичок, натянув вожжи, остановил тронувшуюся было медленным шагом лошадь, и с опаской уставился на Егора, который вдруг вернулся, не спеша объехал вокруг телеги и остановился прямо против Капитона. Тот сквозь траву разглядел Егорову ногу в добротном юфтевом новом сапоге красной кожи.

Рязанец невольно усмехнулся: быстро же тот распорядился свалившимися ему деньгами. А сверху припекало солнце, скошенная трава, вобравшая в себя все запахи лета, густо шибала в нос, покалывала руки и лицо. Вдобавок за воротник Капитону заползла какая-то крупная насекомина, и теперь по-хозяйски копошилась на его спине.

– Что-то конёк мне этот сильно знакомый... Ты хозяина его, случаем, не видел? А, Антип?

Капитон напрягся и перестал дышать. Только правая его рука медленно поползла к рукоятке топора на случай, если Антип его выдаст.

– Некогда мне по сторонам пялиться... До кузни еду, тороплюсь. Колесо вон того и гляди развалится, обод надо новый ставить... А мне ещё на луга съездить нужно до темноты...

Недоверчивые подозрительные глаза, настороженно выглядывающие из-под густых бровей, продолжали цепко ощупывать окрестности, время от времени возвращаясь к подрубленному хвосту стоящего у коновязи жеребца.

– Колесо, говоришь? А ну, стой! Куда поехал?

Антип, чертыхаясь про себя, вынужден был покориться, в очередной раз натянув вожжи.

Капитон, ухватив поудобнее топор, ждал. Он уже понял, что обутой в новые красные сапоги Егор явно что-то заподозрил, и уже не отцепится от своей жертвы, как волк, почуявший свежий запах крови раненой добычи. И вдруг кривая ухмылка поползла по заросшему до бровей лицу стражника.

Быстро спешившись, Егорушка снял с плеча лук, неслышно ступая, подошёл к коновязи и, погрозив Антипу кулаком, отвязал поводья. Конь, почувствовав свободу, неуверенно потоптался на месте, коротко заржал, а потом двинулся напрямик к телеге. Антип с сожалением посмотрел на него и отвернулся. Он уже догадался, что последует дальше, и теперь с озабоченным видом разглядывал лапоть на своей правой ноге.

Конь, между тем, спокойно подошёл к тому месту, где прятался Капитон, и радостно всхрапывая, замотал головой, разбивая тяжёлым передним копытом комья засохшей грязи.

– Ну что, морда рязанская, попался? – голос у Егора аж звенел от самодовольной радости. – На мякине хотел нас провести? Только не на того нарвался, милоч! И ведь умудрился придумать Москву какую-то, паскуда! А ну, давай вылазь, пока я тебя самолично не порешил!

– Сапоги сьмай!

Сзади Егора, очень близко от него, кто-то стоял и дышал ему прямо в затылок. А потом он почувствовал, как чья-то крепкая рука приобняла его за плечи, а в бок ему что-то упёрлось, и это что-то (а в таких вещах Егор хорошо разбирался!) могло быть только ножом.

Медленно обернувшись, он увидел того человека, которого только что грозился самолично порешить. Капитон ему приветливо улыбался, и со стороны могло показаться, что встретились на улице два приятеля, которые давно не виделись. Вот только у одного зачем-то был натянут лук, но мало ли что в жизни происходит необъяснимого и странного?

– Лук-то опусти, дубина муромская. А то подумают люди, что наш Егор совсем спятил: в телегу стрелять собрался. Чем это она так перед тобой провинилась? Чего молчишь-то, а? Язык проглотил? Али сапоги свои пожалел? Они ведь на мои деньги куплены. Запоматовал? Давай, давай, сьмай их, мне ждать-то некогда, сам понимать должен...

Нож, приставленный к боку, внезапно ожил и начал буравить своим остриём Егорушкин кафтан, подбираясь узким лезвием до самой кожи. Муромский городской стражник, клацнув от страха зубами, бросил на землю ненужный теперь лук, и, ни слова не говоря, направляемый сильной рукой, послушно полез на телегу.

Там, утопая задом в мягкой траве, он с трудом стянул с себя новые красные юфтевые сапоги, и, пряча глаза, протянул их рязанскому разбойнику, который среди бела дня, посредине родного города, а не тёмной ночью на большой дороге, ограбил его и чуть не убил. Хотя в последнем Егорушка ещё не был уверен.

– Ну, вот и ладненько. А то нехорошо получается: я у вас в гостях – и без подарка уезжать приходится.

Ловко спутав руки Егора его же кожаным ремнём и подмигнув Антипу, Капитон с силой хлестнул плетью запряжённую в телегу кобылу, и та, взбрыкнув задними ногами, понеслась не разбирая дороги.

Мелькнувшие за окнами ближних домов лица тут же исчезли, предпочитая наблюдать за происходящим из-за занавесок. А Кусай, полюбовавшись на сапоги, спрятал их в мешок, вскочил на своего коня и пошёл, набирая ход, вниз по улице в сторону крепостных ворот.

Пастух, рослый, широкоплечий парень, сидел на обочине дороги недалеко от сторожевой башни и, закатив незрячие глаза к небу, с силой дул в берестяной рожок.

Мелодии не было, а были просто звуки: белые, резкие и чуть гнусавые, которые то неслись вдаль, вибрируя в унисон с ветром, то застывали на месте, увеличиваясь и разрастаясь, подобно огромному бычьему пузырю.

Коровы, козы, овцы шли и шли со всех сторон Мурома-городка к месту сбора, постепенно заполняя центральную улицу на всю ширину.

Перестав играть, пастух приподнялся и, обратив своё лицо в сторону, откуда приближалась, постепенно нарастая, могучая это поступь, блаженно улыбнулся. Возможно, в этот момент представлял он себя сильным, непобедимым витязем во главе своих верных полков, готовым дать отпор любому врагу, любой несправедливости, любому насилию и злу. А может в этом нарастающем гуле ему послышался зовущий его издалека тоненький нежный голосок, почудились трепетные девичьи руки, ласково и пугливо касающиеся его лица и губ.

Большая рыжая корова с огромным, чуть не до земли, выменем, позвякивая боталом, первой подошла к слепому и ткнулась тёплым носом ему в руку. Пробежав быстрыми пальцами по её морде, по твёрдой кривизне рогов, он вдруг замычал негромко и как-то по-особенному.

Корова, раздув бока и вытянув шею, ответила ему долгим раскатистым мычанием, а потом, слегка прихватив языком подол его рубахи, стала жевать ткань мягкими губами.

Картина эта для городской стражи была привычной, и как только слепой пастух, снова загудев в берестяной рожок, пошёл в сторону ворот, те, натужно заскрипев, стали медленно отворяться, напоминая огромную ненажорную пасть, готовую проглотить всё живое без остатка. Но буквально за несколько мгновений до того, как эта пёстрая колыхающаяся огромная спина плотно и надолго забила бы собой весь проезд, через ворота, припав к шее коня, ветром пронёсся Капитон.

В последний момент, обернувшись, он встретился глазами со здоровенным молодцем в кольчуге и шишаке, и тот хорошо разглядел ухмылку на лице всадника. Старшой стражник вспомнил его. И что говорил ему утром Егор, тоже вспомнил.

– За ним! – заревел он, но было уже поздно.

Стадо крепко законопатило собой весь створ ворот от столба и до столба, делая погоню совершенно невозможной.

Звонко простучали кованые копыта по деревянному настилу моста, и Капитон уже терялся в высокой траве на противоположном берегу реки.

Отъехав версты полторы, он становил коня, и, привстав на стременах, долго смотрел в сторону Мурома, где жила удивительная девушка, лучше и краше которой он в жизни не видел.

– Таня... Танюша...

Губы его шевельнулись, и непроизвольная улыбка тронула лицо. В глазах появилась какая-то затаённая мечта, пока ещё робкая тайна, но от которой теплело на сердце и хотелось запрокинуть голову и закричать изо всех сил в небо никому не известными, только сейчас родившимися словами.

Словно в ответ ему вдали засветился солнечной искоркой золочёный крест на главном куполе городского собора, и Капитон, увидев это, широко перекрестился, склонил голову, а когда снова выпрямился, – побелел лицом.

Там, куда он только что смотрел, поднимались в небо исполинские столбы чёрного дыма. Они расплзались, клубясь жирными кольцами и выгалкивая из себя длинные языки огня, словно хотели дотянуться до солнца, погасить его. Явственно был слышен зловеющий, тяжёлый гул набата, удары которого, как тяжёлые камни рушились на землю, погребая всё под собою.

Капитон словно окаменел. Сил хватило только на то, чтобы закрыть глаза.

Сколько времени прошло, Капитон не помнил. В себя пришёл оттого, что конь под ним ворохнулся: потянулся за клевером, а не достать. Пришлось ему шагнуть. А хозяину его пришлось пережить очередное потрясение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.